понедельник среда пятница

НОВАЯ ГАЗЕТА

№ 126 (2413) 16.11.2015 г.

Vive la République!

Michel EULER / STF

15126

4 607149 380114

EPA

На защиту Республики

Кирилл МАРТЫНОВ
редактор отдела политики и экономики

> «Если свобода будет уничтожена, у нас уже не будет той идеи, которую мы сможем бросить в лицо фанатикам, — мы станем одними из них»

Париж пережил самую страшную атаку со времен Второй мировой войны — Франция и мир скорбят. Наши российские расхождения с «западными ценностями» ушли на второй план. Французское горе, ставшее общим, высветило истинный масштаб российского спора с Западом — по историческим меркам этот спор ничтожен. Как и после сентября 2001 года, сегодня граждане России снова убеждаются: мы — люди западной цивилизации. Вместе с другими европейскими странами Россия будет защищать свои ценности — республику, просвещение, светское государство — от всех, кто посягнет на них.

Запад можно определить как политическое пространство, в котором люди разных взглядов живут в мире друг с другом. Где идеологические споры решаются в открытом споре в парламенте и медиа, но не при помощи бомб. Сейчас много говорят о том, что запрещенное в России «Исламское государство» — это в первую очередь идея всемирного халифата, которую нельзя уничтожить при помощи военной силы. Так вот свобода — это тоже идея, которую нельзя уничтожить взрывами в европейской столице. Свободные люди будут драться за нее яростнее, чем любые адепты «традиционных ценностей» — за свои фантазмы. Так уже неоднократно было в истории.

Весь мир смотрел видео, на котором футбольные болельщики, уходя со стадиона после теракта в Париже, пели национальный гимн — «Марсельезу». Что нужно этой орде рабов, предателей, королей-заговорщиков? Это нас они хотят отдать в рабство, как в древности. Вот так пели они. Старая революционная песня снова пригодилась французам, как и во времена нацистской оккупации и Сопротивления.

В ту же ночь загорелся лагерь беженцев из Сирии во французском Кале. Власти поспешили заявить, что причиной пожара было короткое замыкание, и с парижской трагедией он не связан. Популярность антиисламских настроений растет, но, к чести французов, они не спешат принимать «ответные меры» в отношении гражданских лиц того или иного вероисповедания. Идея европейской войны против ислама, нового крестового похода, является абсурдной и чрезвычайно опасной. В Европе, в том числе в России, живут миллионы мусульман, которые не имеют никакого отношения к террористам. Задача, которая стоит сейчас перед Европой, заключается в том, чтобы интегрировать их в светские и демократические институты, разделив с ними идею свободы. То есть способствовать своеобразной «реформации» ислама, но не пытаться изолировать мусульманское меньшинство или возложить на него коллективную ответственность. Это не очередное требование соблюдать права человека, но простой здравый смысл. Превратив всех последователей ислама в своих врагов, Европе придется отказаться от собственной ставки на свободу и тем самым уничтожить саму себя: она стала бы лишь спарринг-партнером «Исламского государства».

Самая страшная угроза для нас, европейцев, — это даже не новые террористические атаки, но риски, связанные с возможным приходом к власти в демократических государствах сил, которые сделают ставку на отказ от свободы во имя безопасности и порядка. Если свобода будет уничтожена, у нас уже не будет той идеи, которую мы сможем бросить в лицо фанатикам, — мы станем одними из них.

У свободного мира есть проблемы. Европа не рай на земле, французские спецслужбы провалили свои задачи, мы почти не говорим о теракте в Бейруте, случившемся накануне и унесшем 43 жизни, а иные неразумные граждане России даже видят в парижской трагедии расплату за карикатуры «Шарли Эбдо» в отношении российского А321 или очередной «провал мультикультурализма». Но несмотря на то что мы не совершены, наша западная цивилизация определенно не имеет ничего общего с теми, кто готов убивать или преследовать случайных людей ради доказательства своей правоты.

«Остался один метод — игнорировать опасность»

Отар ИОСЕЛИАНИ
для «Новой газеты» по просьбе Юрия РОСТА

Юрий РОСТ

Гадко и очень печально. Они оказались очень и очень организованными, а главное — готовыми на смерть. Смертники верят, что немедленно попадают в рай, в окружение красавиц. Их религия оказывается сильнее просвещения в наш просвещенный век. «И как один умрем в борьбе за это...» — пели и в России, когда еще надеялись построить светлое будущее. Это такая химера! Однако эти фанатики не хотят никакого светлого будущего. Они просто хотят навести террор и страх на весь мир. У нас известна печальная история с Александром Матросовым, но он был устремлен к тому, чтобы спасти людей, обезопасить огневую точку. А эти просто объявили войну мирному населению, молодым людям, собравшимся на танцульку. Этому нет прощения.

И я, и мои близкие, и многие французы где-то ждали чего-то подобного, понимали, что террористы непременно что-нибудь предпримут. Но чрезвычайное положение объявлено только сейчас. Правда, я и сейчас не знаю, какие меры можно принять против людей, которых, наверное, по ассоциации с Пёрл-Харбором, называют камикадзе. Самоубийц всегда воспитывают одинаково. В основе лежит простая доктрина: око за око, зуб за зуб. Она в корне противоречит христианской: если тебя ударят по правой щеке, подставь левую. Тоже, конечно, не блестящая фраза, и она, в отличие от первой, мало кого вдохновляет на действия. Но за что террористы мстят остальному миру, который пытается быть свободным? Во Франции многие полагают, что американцы резко и несправедливо поступили с Саддамом Хусейном. Неблагородно, так сказать. Они просто без суда и разбирательства уничтожили человека. Буш поступил вопиюще несправедливо по отношению к стране и ввергнул Ирак в хаос, который не только не прекратился, а продолжает наращивать силу. Как и ненависть, которая привела к войне. Ведь мы уже, конечно, находимся в состоянии войны. Сейчас и правые, и левые, которые часто сочувствуют экстремальным проявлениям, просто в ужасе от того, что произошло. И от ощущения общего бессилия сопротивляться этой дикой волне.

Конечно, и в обычной жизни опасности нас ждут за каждым углом. Но когда кругом страх и безобразие, единственный метод, которому очень многие, я думаю, будут следовать во Франции, — игнорировать эти опасности. Франция — страна, которую очень трудно поставить на колени. И отношения к мусульманам здесь не поменяется. Просто все еще больше захотят понять, кто эти люди, чем они дышат. На учет взято около 4 тысяч приезжих — из Испании, из Англии, из России. В правовом государстве всех нельзя чохом сажать без подтверждения подозрений, несмотря на их идеологическую или духовную ориентацию. Кто они такие? Что это за феномен, вот в этом надо разбираться. Очевидно, что дело во многом в озлоблении на социальную несправедливость, на просчеты этатических систем. Но, к сожалению, огромную роль играет и воспитание. Иногда темное и агрессивное. Как будто в агрессии есть какой-то выход!

Боюсь, выход вообще найти очень трудно. Хотя один и напрашивается: создание тоталитарного государства. Опыт Советского Союза подтвердил, что с этой стороны в нем бунт был невозможен. Но это ужасный выход. Тогда мы потеряем все, что дорого свободному человеку.

Акция после теракта:

«Париж открытых дверей»

Человечность оказалась эффективнее безопасности. Каждый, кто оказался далеко от дома, мог войти в любую дверь

13 ноября 2015 года: это должен быть самый страшный день в истории Франции. 7 терактов, 129 погибших (данные на вечер субботы и пусть не изменятся!). Пока страшнее в «мирной жизни» Франции ничего не было. Впрочем, теперь уже все говорят о войне — все, от президента до желтой газеты. При этом никто не знает, как сделать, чтобы жертвами этой войны не становились мирные люди. Режим повышенной готовности к терактам, который не снимали с момента январских атак, никого не спас вечером в эту пятницу.

Первый день после теракта

В субботу кусочки прекрасной парижской земли, прилегающие к местам страшных событий, были все еще оцеплены полицией. С вечера пятницы в Twitter гуляет «хештег» #PortesOuvertes («Открытые двери»). Парижане приглашают тех, кто не может попасть домой из-за теракта, переждать время у них.

Парижу очень грустно и очень больно, но он все равно светел. И не агрессивен.

И не кидается ненавидеть народы и религии.

Люди кладут цветы у ограждений. Кто-то написал на листочке у Bataclan: «Да здравствует Франция!» Туристка из Израиля пишет: «Я тебя люблю, Париж».

Пенсионеры вечером в субботу выходят на соседний бульвар поиграть в петанк.

В Twitter гуляет еще один лозунг #PrayForParis («Молитесь за Париж»). Пока больше ничего не остается.

Bataclan

В районе концертного зала Bataclan, куда в этот вечер ворвались четыре террориста, работы после штурма продолжаются до утра субботы.

Люди в бронежилетах с надписью «Уголовная полиция» на спинах допрашивают выживших. Офицеров много, но пострадавших очень много. Выжившим свидетелям дают «золотые» плащи из бумаги, похожие на большой кусок конфетти. Пятна крови: на свидетелях, на камнях у близлежащих домов, на дверях, к которым прислонялись свидетели, на брошенном посреди дороги халате... Кровь на носилках, оставленных около «скорой» на обочине бульвара Вольтер.

На улицах — десятки «скорых». Колонна городских автобусов. Там тоже — полиция и люди в «золотых плащах». Сложенные в стопочки «лишние» носилки — у близлежащих кафе и на остановках. Броневик спецназа BRI. Спецназовцы с собаками исследуют пространство. В воздухе запах селитры и дыма.

Фото автора

Бульвар Ришар Ленуар. Импровизированный мемориал в ста метрах от концертного зала «Батаклан». 14 ноября

Повсюду красные рюкзаки спасателей. Как будто собрались на всефранцузский слёт. В переполненном кафе La Royale они слушают начальника, получают инструкции: где будут кризисные штабы, куда везти пострадавших. В другом кафе, Barometre, оно совсем рядом с концертным залом, сидят «золотые плащи» вперемешку с полицией и медиками. Отогреваются, отвечают на вопросы. «Мсье, мне еще долго придется здесь сидеть?» — «Вы следующий, мсье. Пожалуйста, потерпите. Займемся сначала вами, мадмуазель». — «Я Стефани Ж., родилась 3 июля 1979-го в Париже, живу по адресу...» — «И вы видели, что произошло?» — *«Я видела автомат. Сначала подумала, что это шутка. Потом все упали на землю...»*

Так в первое мгновение подумали многие: хард-рок-группа, пятница 13-е, выстрелы...

В Bataclan четыре террориста убили 82 человека. Зал вмещает 1500. Когда начался концерт американской группы Eagles of Death Metal, зал был полон. Террористы ворвались туда через 45 минут после начала.

> «Я видела автомат. Сначала подумала, что это шутка. Потом все упали на землю…»

Женщина лет 40 рассказывает журналисту L'Express, что ей удалось сбежать в маленькое подсобное помещение, где, прижавшись друг к другу, два часа стояли 20 с лишним человек. «Мы слышали все выстрелы, мы слышали все крики».

Некоторые, как журналист радио Europe 1 Жульен Пирс, спрятались за сценой.

45-летний высокий мужчина, который сейчас стоит в «золотом плаще», выжил в зале на полу. Он говорит седому следователю, держащему потертый «дипломат» 80-х годов прошлого века: «Хорошего окончания вечера». Обычная формула вежливости. На часах — 3 ночи.

На дворе продолжается «11 сентября», теперь французское. К которому, очевидно, никто из нас, жителей европейского мира, не готов. Нужно ругать французских силовиков и спецслужбы за то, что такая гигантская наглая подлость стала возможна. Но в какой стране сегодня могут поручиться, что сумеют это предотвратить? Если вдруг, не дай бог...

Четыре террориста, забежавшие в зал с «калашниковыми» и взрывчатками на пузах, стреляли куда глаза глядят и добивали раненых. Кричали: «Аллаху акбар!», «Это за Сирию», «Аллах велик».

Террористы держали людей в заложниках три часа. Когда в 0.20 начался штурм, трое из них уже взорвали себя; четвертый, вроде бы, успел получить пули от спецназа.

Кошмар в концертном зале продолжался с **21.50** до **00.50** примерно.

«Стад де Франс» и хроника кошмара

Но начиналось все на главном стадионе Франции, на 80-тысячном «Стад де Франс». Это Сен-Дени, у северной границы Парижа.

На матче Франция—Германия — президент Олланд.

В **21.17** происходит первый взрыв рядом со стадионом. Погибает только камикадзе. К Олланду, как пишет «Пари Матч», подходит охранник и рассказывает, что произошло. В **21.19** еще один злой сумасшедший взрывает себя. К счастью, только себя. Матч продолжается. Догадаться, что снаружи взрываются смертники, люди, сидящие внутри, пока не могут. «Петарды, подумали все», — рассказывает спортгазета «Экип».

В **21.20** безумный стрелок расстреливает людей в баре Carillon и в соседнем кафе «Маленькая Камбоджа» (10-й округ столицы). Потом станет известно о 14 погибших. Примерно в это же время, под занавес тайма, французы забивают немцам гол. Над стадионом взлетает вертолет, который остается над ним до конца матча и до выхода людей с трибун. Олланд покидает стадион в начале второго тайма. «Ради безопасности» префект полиции Парижа, уже поговоривший с президентом, просит не объявлять по стадиону о том, что происходит вокруг. Об этом не говорят даже игрокам.

А происходит вот что: **в 21.30** убийца с автоматом лишает жизни пятерых людей, ужинавших в пиццерии La Casa Nostra. Это 400 метров от «Маленькой Камбоджи» и Carillon.

В **21.40** еще один теракт: 19 человек убиты на террасе кафе La Belle Equipe («Прекрасная команда»), тоже в 11-м округе. Это в двух километрах от пиццерии.

В **21.45** в 300 метрах от Belle Equipe террорист взрывается перед входом в кафе Comptoir Voltaire на одноименном бульваре, дом 253.

Через пять минут, в **21.50**, у дома 50 на том же бульваре Вольтера, четверо террористов атакуют концертный зал Bataclan.

В **21.55** еще один смертник взрывает себя у «Макдоналдса» рядом со стадионом. К сожалению, погибает еще один человек.

Итого: меньше 40 минут — на 7 терактов.

На стадионе многие начинают догадываться о том, что происходит что-то страшное. Начинают петь «Марсельезу». Кто-то, правда, признавался, что пел по привычке — чтобы подбодрить команду. Вскоре команда забивает немцам второй гол. Матч окончен, но игроки как вкопанные останавливаются в подтрибунном помещении: там уже включен новостной канал.

Среди зрителей тоже не осталось никого, кто бы еще не знал. Выходя со стадиона, зрители тянут «Марсельезу». Она годится для всех случаев, но для таких — особенно.

> «Выходя со стадиона, зрители тянут «Марсельезу». Она годится для всех случаев, но для таких — особенно

Власть над террористами

Покинув стадион, Олланд сначала едет в здание МВД, которое находится через дорогу от Елисейского дворца. Совещание с министром и премьером. Потом они едут к концертному залу Bataclan. Едут СРАЗУ. И ДАЖЕ президент ЕДЕТ СРАЗУ. «Мы должны быть здесь, — говорит он. — Вместе с теми, кто видел этот ужас. Чтобы сказать, что мы будем вести беспощадную битву...»

Потом — ночное заседание совета министров и обращение президента к народу. Олланд объявляет чрезвычайное положение (в 6-й раз в истории страны*). Утром в субботу — заседание совета обороны. Олланд снова обращается к гражданам, призывает их к «единству и хладнокровию». Говорит, что военные будут патрулировать улицы по всему Парижу в ближайшие дни. Обещает, что Франция, которая «подверглась подлой агрессии», «будет беспощадна». «Она будет использовать все средства — в рамках права — как внутри, так и за пределами страны при участии наших союзников, которые сами стоят перед террористической угрозой».

Сразу после выступления Олланда ИГИЛ *(запрещено в России. —* **Ред.**) опубликовало «коммюнике» на французском и арабском. Террористы с какого-то перепуга сослались на Аллаха. Они рассказали о «восьми братьях», обмотавшихся «поясами шахида» и совершивших атаки на «Стад де Франс», «где был... *(оскорбление. —* **Ред.**) Франсуа Олланд» и где играли «неверные» (Франция и Германия), а также в 10-м, 11-м и 18-м округах Парижа.

Что это значит — пока не ясно: в 18-м округе атак не было.

Террористы говорят, что места для теракта выбирали «тщательнейшим образом». Вероятно, они выбирали и время. Канун G20. В конце ноября в Париж должен стать политическим центром мира: здесь состоится конференция по климату под эгидой ООН (COP 21). Многие стали находить совпадение даже в том, что атака произошла 13 ноября: в годовщину закона, усиливающего меры по борьбе с терроризмом. В законе в том числе предусмотрены новые репрессивные меры против граждан Франции, уехавших на «джихад».

Как минимум один из тех, кто захватывал Bataclan, — гражданин Франции. Об этом телеканалу BFMTV сообщил в субботу источник в полиции. Возле «Стад де Франс» нашли сирийский и египетский паспорта. Почему паспорта не подорвались вместе с террористами, на момент подписания номера выяснить не удалось.

Но даже без паспортов ясно, что атака — «ответ» за «операцию» в Сирии, где французские самолеты бомбят террористов с 20 сентября. Об этом пишут в своем «коммюнике» головорезы из ИГИЛ. В своем черном послании они упоминают о других «неверных». И обещают новые атаки.

Всем нам надо быть очень-очень осторожными.

А тем, кто живет во Франции, сейчас остается надеяться на то, что ЧП будет эффективнее «наивысшего уровня террористической угрозы». Правда, ЧП нельзя тянуть больше 12 дней. Да и оно как-то пока не соблюдается. Запретили массовые собрания до четверга, а уже в субботу в Лилле собрались на митинг человек 500. Люди пришли почтить память. А потом ультраправые взяли и все испортили.

Как бы им объединиться вместе с исламистами и улететь на другую планету?

Чтобы больше никогда самый жизнерадостный город мира не превращался в арену массовых убийств.

Юрий САФРОНОВ,
соб. корр. «Новой», Париж

**В последний раз ЧП объявляли в ноябре 2005-го, когда восстали «трудные» пригороды.*

Vive la République!

Да здравствует Республика!

Париж

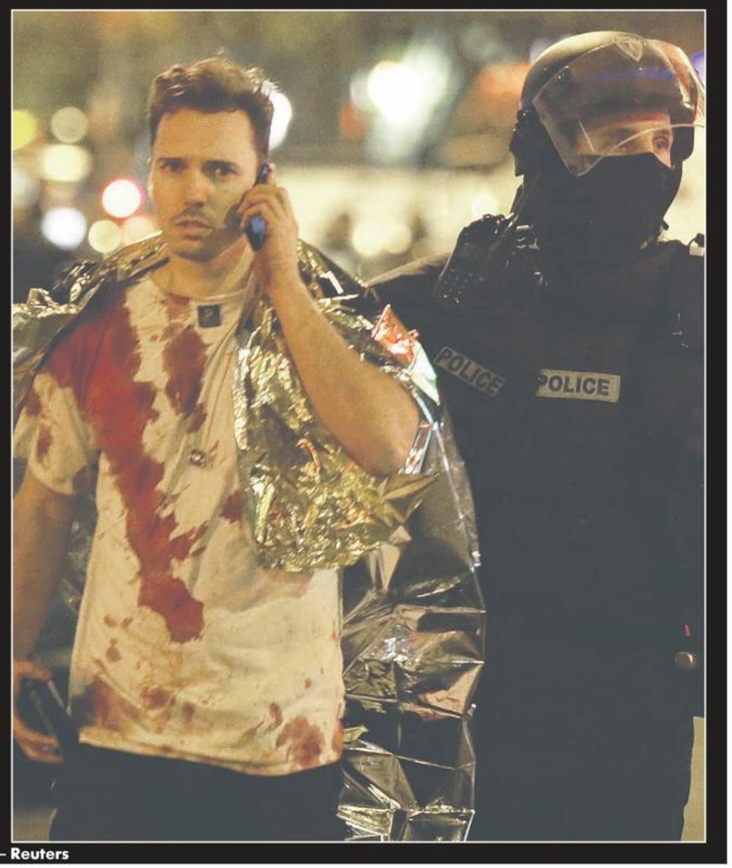


Фото — **Reuters**

Москва

В выходные к посольству Франции принесли горы цветов

На тротуаре Большой Якиманки — аккуратная очередь: от самого выхода из метро до ворот французского посольства. Элегантные девушки, закутанные в шарфы, пожилые пары, много семей с детьми — выходной.

Очередь движется быстро, и за несколько часов тысячи людей кладут на землю тысячи букетов. Два бугра цветов у ворот посольства вырастают в половину человеческого роста. Женщина подходит к этому бугру с рисунком Эйфелевой башни, вставленным в рамочку, — такие продаются в парижских сувенирных лавках. На кусты, высаженные вдоль посольства, вешают скатерть с Эйфелевой башней, вписанной в «пафицик»: простой символ разошелся по мировому интернету еще ночью. Вместе с цветами кладут рукописные плакаты, многие на французском: «Мы плачем вместе с вами», «Нам не страшно». Фломастерами — на двух языках: «Париж! В дни радости ты был со мной, сегодня я — с тобой».

«Утром сели завтракать, включили телевизор, а там... — рассказывает коротко стриженная Наталья, держа на руках двухлетнего сына. Муж на работе, у старшего сына занятия, а Наталья с дочерью и младшеньким отменили все планы на субботу и приехали сюда. — Нет, знакомых там нет, во Франции я не была, хотя посетить Париж — это, конечно, мечта каждой женщины, — тут Наталья смущенно улыбается. — Просто хочется сегодня быть вместе... с ними».

«Очень любим Францию всей семьей и переживаем за ее беду, — за маму, папу и сестру говорит старшая дочь, бухгалтер Дарья. Семья несколько раз была в Париже, и сегодня утром в новостях они видели фото со «скорыми» и ранеными из мест, которые хорошо помнят. И понимают, что эта трагедия касается не только Франции: опасность грозит всему миру. Толпу на Якиманке объединяет чувство общей угрозы.

«Дочки из Челябинска звонят: «Мама, не ходи туда, где много людей, мы за тебя боимся!» — библиотекарь Надежда приехала в столицу навестить брата: хоть и в Москву, а не в Париж, все равно страшновато. «Люди уже рассылают друг другу СМСки: мол, берегитесь, скоро и у нас что-то будет! — волнуется Наталья. — Все об этом говорят. Надеюсь, наши органы нас защитят. Я бы сюда не пришла с детьми, если бы не доверяла спецслужбам».

«Мне не страшнее, чем обычно. Что Сирия? Троллейбусы, метро у нас взрывались, когда мы еще не воевали ни с какой Сирией, эта опасность всегда есть, — говорит пожилая Татьяна, преподаватель университета. Рядом держит цветы взрослый сын. — Сейчас там люди пережили то, что уже переживали мы в Москве, — оно сразу воспринимается как что-то свое. Для меня Франция — это мечта, почти сон, а про политических союзников и противников я не думаю». «Когда речь идет о насилии, все эти санкции и прочие продуктовые запреты просто смешны», — пожимает плечами молодой учитель Андрей с букетом синих гиацинтов.

«Если не лицемерить, русские ведь всегда себя отождествляли с Европой. Поэтому нас особенно трогают события там» — так считает инженер Сергей. — И ни санкциям, ни гей-парадам, ни крымскому противостоянию это не перебить: это же не про людей. Едешь на Запад, общаешься — так и американцы прекрасные люди, и французы, и даже немцы бывают хорошие. Здесь люди пришли поддержать людей. А политики пусть играются, если им это надо».

«Я почему сюда дочь привела — потому что человек начинается с плача по умершему, — объясняет инженер Надежда в сиреневом пуховике. — Дочка знает сравнение — это похоже на наш «Норд-Ост». Мы всю эту боль пережили, русским она близка. И если здесь такая очередь, значит, нет людей равнодушных. Значит, за чужих людей тоже больно». Инженер Надежда занимается строительством перинатальных центров по всей стране и с удовольствием говорит: «У меня самая мирная работа на свете».

Только что российский интернет яростно ненавидел французский журнал «Шарли Эбдо» за карикатуры по поводу гибели российского самолета над Синаем. «Знаете, мы сейчас в церковную лавку зашли купить подсвечники, — добавляет Надежда. — И продавщица — в церковной лавке, представляете, — говорит: «Вот, они на нас карикатуры рисуют, а мы их жалеем». Да как же это, из-за каких-то плохих людей нельзя думать плохо о целом народе!»

Наталия ЗОТОВА,
фото **Евгения ФЕЛЬДМАНА,**
«Новая»

«Отказ от свободы — победа террора»

Российские кавалеры ордена Почетного легиона и ордена Искусств и Литературы — о трагедии в Париже

Григорий ЧХАРТИШВИЛИ (Б. АКУНИН), *писатель, кавалер ордена Искусств и Литературы:*

Это — испытание, через которое теперь должна пройти европейская цивилизация

— После первого потрясения думаешь вот о чем. Это — испытание, через которое теперь должна пройти европейская цивилизация. Оно двойное, это испытание. Во-первых, нужно проявить решимость и мужество — наконец-то уже вырезать эту раковую опухоль. Но еще важнее и труднее при этом не отказаться от высоких принципов открытости, терпимости и достоинства. Без них европейская идея утрачивает всякий смысл. От того, получится совместить первое со вторым или нет, зависит будущее человечества. Без преувеличения.

Павел ЛУНГИН, *командор ордена Искусств и Литературы, режиссер, офицер ордена Почетного легиона:*

Горькое поражение гуманистической культуры

— Мне кажется, что это настоящая трагедия с еще неоценимыми последствиями. Горькое поражение гуманистической культуры.

Потому что сила Франции была как раз в том, что она легка, радостна, приятна для жизни.

Она пыталась создавать эту равную жизнь для своих граждан, формируя внутреннюю общность, настаивая, что любой араб — такой же француз, как остальные французы. Поэтому столь мощной системной была политика для эмигрантов, помощь социально неустроенным, разветвленная сеть арабских магазинов, кафе, интернациональные школы. Все делалось для интеграции.

Поэтому расцениваю последние события как ужасную трагедию гуманистической идеи вообще.

Они отказываются от ценностей, которыми мы дорожили со времен эпохи Возрождения. Что от хорошего отношения человек становится лучше, добрее. Что не может от добросердечного отношения он впадать в варварство.

И знаете, что меня особенно потрясло? Это были смертники. Смертники — во Франции с ее культом жизни!

Даже во время террористического акта в редакции «Шарли Эбдо» убийцы пытались уехать, умчаться, закопаться.

И вот все эти люди в черном.

С шокирующей легкостью они выбрали смерть как некое противостояние гуманистической европейской идее жизни.

То, что «религия смерти» начинает укореняться в головах ортодоксов, — необратимая драма.

Надо сказать, что я жил как раз в этом квартале, где расстреливали кафе. Хорошо знаю Десятый и Одиннадцатый округи, праздничный театр «Батаклан», возникший как кафешантан, бульвар Вольтер, ведущий к площади Республики... Все это близкие места. И когда думаю, что они стали ареной смерти, меня охватывает чувственный ужас.

Выключена подсветка Эйфелевой башни. Как будто на легкий, остроумный, сверкающий Париж накинули беспросветный черный траур.

Владимир СПИВАКОВ, *художественный руководитель и главный дирижер Национального филармонического оркестра России и Государственного камерного оркестра «Виртуозы Москвы», офицер ордена Почетного легиона:*

Мы живем в предчувствии катастрофы

— Страшно. Накануне утром моя жена Сати улетела в Париж. Вечером, как раз именно в тот вечер, у младшей дочери Ани был концерт. Примерно в таком же большом зале на несколько тысяч зрителей, как «Батаклан». Поэтому, пока она не добралась до дому к пяти утра, мы все — и тут, и там, — пережили, даже не хочется говорить, что пережили. Сами понимаете!..

Мы с вами в последнее время живем в предчувствии катастрофы, но, когда катастрофические события происходят, реакция одна и та же — шок, ужас, бессилие какое-то, и одни и те же почти риторические вопросы: «Почему?! Что делать?!»

Почему? Ответ, как мне кажется, очевидный — доигрались, все доигрались. Когда заигрывают с такими вещами, то заигрывают со своими могильщиками. Это результат политики, из-за которой нарушилось пусть тонкое и хрупкое, но равновесие, которое все-таки сдерживало явную агрессию несколько последних десятилетий. Вырвали несколько ключевых фигур — и вот что получается. Это раз.

Знаете, я, когда езжу по Парижу на такси, а большинство таксистов — эмигранты или уже дети эмигрантов, они, распознав мой акцент, начинают рассказывать, как они не любят Францию. Притом что имеют все права, гарантии и прочее. Сейчас, с таким количеством беженцев, среди которых могут просачиваться и очень сомнительные личности, — Европа будет поставлена на колени.

Что делать? Сначала про частное. Как руководитель Московского Международного Дома музыки, постоянно говорю, вынужден говорить, об охране объектов, в которых одновременно бывает большое количество людей. К нам, в ММДМ, случается, приходит до 5 тысяч зрителей. Они — наша публика, мы за них отвечаем. А охранные предприятия с недостаточным количеством прав, в основном, набираются по тендеру, по принципу «кто подешевле». При нынешних обстоятельствах нужно прекратить эту практику и набирать в охранные предприятия настоящих профессионалов. На них у меня надежда.

Теперь про всеобщее. Спасти мир могут только понимание и совместные усилия. Много лет назад, наверное, уже четверть века прошло, мы с Иегуди Менухиным открывали в Страсбурге Сахаровский центр. Его тогда кто-то из журналистов спросил: «Вот Вы всему восхищаетесь, радуетесь, а что Вы ненавидите?» Он ответил: «Нефть! Да, нефть, борьба за которую лишает людей жизни». Тогда все удивились, восприняли как чудачество пожилого человека. Теперь я могу ответить так же. Я бы жизнь отдал, чтобы весь надвигающийся кошмар остановить. Но в реальности у меня есть только музыка. Я играю в Москве, в Париже, в Дубае, в Нью-Йорке. Что мне делать — знаю, поэтому сейчас иду на очередную репетицию.

Людмила АЛЕКСЕЕВА, *правозащитник, председатель Московской Хельсинкской группы, офицер ордена Почетного легиона:*

Терроризм — общий враг. Сейчас эту проблему надо решать всем миром

— Ужасно, что они это так синхронно подготовили — и ударили сразу и во многих местах. Я не понимаю, почему жертвой стала именно Франция... Но сейчас нам всем надо быть готовыми к колоссальным испытаниям.

Я не знаю, как это изменит воздух города, сознание людей в Париже. Мы же, в Москве, уже прошли через столько испытаний! У нас были эти взрывы домов, которые до сих пор неизвестно кто учинил... Мы, к сожалению, готовы к самым страшным ударам судьбы: у нас они были много раз. Бывали — годами, десятилетиями.

И конечно, терроризм — общий враг. Сейчас эту проблему надо решать всем миром.

Светлана ГАННУШКИНА,
председатель комитета «Гражданское содействие», кавалер ордена Почетного легиона:

Все в мире должны выступить решительно и однозначно в защиту Жизни

— То, что произошло, — чудовищно. И происходит, повторяется еще и потому, что мир все еще не смог по-настоящему объединиться в борьбе с терроризмом. Не выяснять, кто важнее, не преследовать свои экономические, геополитические — мелкие на фоне происходящего! — цели.

А абсолютно честно, с полной искренностью работать вместе — и здесь очень важно участие и стран Европы, и США, и мусульманского мира, и России! Все в мире должны выступить решительно и однозначно в защиту Жизни. Но этого пока не произошло.

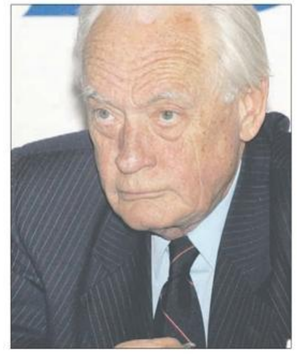
Меня очень огорчала реакция в России на события января 2014 года, на расстрел Charlie Hebdo. Все дискуссии быстро уходили в сторону, к вопросу о том, что можно и чего нельзя в искусстве. Но есть более важные смыслы: святость человеческой жизни. С ней не идут в сравнение вопросы о содержании карикатур, любых карикатур.

Наше государство, наши власти ведут себя в последнее время как подростки: выясняют свое место в иерархии. Сражаются за него.

Вместо того чтобы объединиться с миром, забыв об амбициях — личных, исторических, не важных по сравнению с масштабом проблемы. Вопрос таков, что требует абсолютной серьезности: речь, может быть, идет о судьбах цивилизации.

Юрий РЫЖОВ, *академик, экс-посол России во Франции. Великий офицер ордена Почетного легиона:*

Первым делом надо забросить всю эту нашу антизападную риторику



— Столкновение цивилизаций с конца прошлого века проходило по поясу, который начинался от Пакистана, шел через Афганистан, дальше в Турцию, Ближний Восток, Северную Африку, вплоть до Алжира. Там уже тогда трясло, и трещины шли на Балканы и дальше.

Это понимание ко мне пришло именно в Париже, едва я, посол, стал отслеживать контекст мировых событий. Тогда еще не было такой волны миграции, но уже нарастала взрывоопасная сейсмика, в этом поясе все дрались между собой. Помню, мой товарищ, советник российского посольства, профессор Юрий Рубинский, дал мне брошюру Хантингтона, которая потом переросла в книгу «Конфликт цивилизаций». Но думаю, даже Хантингтон вряд ли предполагал, что этот конфликт достигнет масштабов, которые мы увидели этой ночью в Париже.

...Когда Ельцин убедил меня «работать на новую Россию», я думал, что в роли посла пробуду во Франции год, а оказалось — семь лет, которые меня только укрепили в моей давней, с первой научной конференции, любви к этой стране. Лично для меня Франция, во-первых, — квинтэссенция европейской культуры, и, во-вторых, — перекресток мировых культур вообще. Место, где встречаются и пересекаются самые невероятные и грандиозные современники. Мне выпало знакомство с поразительными людьми, которых я никогда бы не узнал, если бы не попал на этот «перекресток».

Если и необходимо сейчас что-то предпринять, то первым делом забросить всю эту нашу антизападную риторику. Она присутствовала, даже этой ночью, не говоря о помойке в интернете. Таких мы воспитали «пользователей», на 80% полностью одураченных.

Нам не впервой. Говорят, что дорога в ад вымощена благими намерениями, а столбовая дорога России неизвестно куда вымощена граблями.

Вот прозвучали на самом верху правильные слова: надо объединить усилия всего цивилизованного человечества. Вслед за нашим лидером прокукарекали все, кто искренно, кто формально. Но теперь надо эти слова привести к делам. Как это сделать? Как уничтожить источник заразы, чтобы он хотя бы замер, не развивался? Как вывести человечество из этого тупика? На наших глазах сильно измельчала мировая политическая элита, нет такого класса личностей, как Черчилль, Рузвельт, де Голль.

Но и злодейство перестало быть привилегией лидеров, стало бытовым инструментом, технологией рядовых исполнителей. И все осложняет то обстоятельство, что в этом поясе от Пакистана до Алжира никакого единства нет; везде — осколочное состояние, по сути, все идейно и религиозно — враги друг другу. И сплачивает этих людей только общность мусульманства. Религии, отныне яростно противостоящей европейской цивилизации.

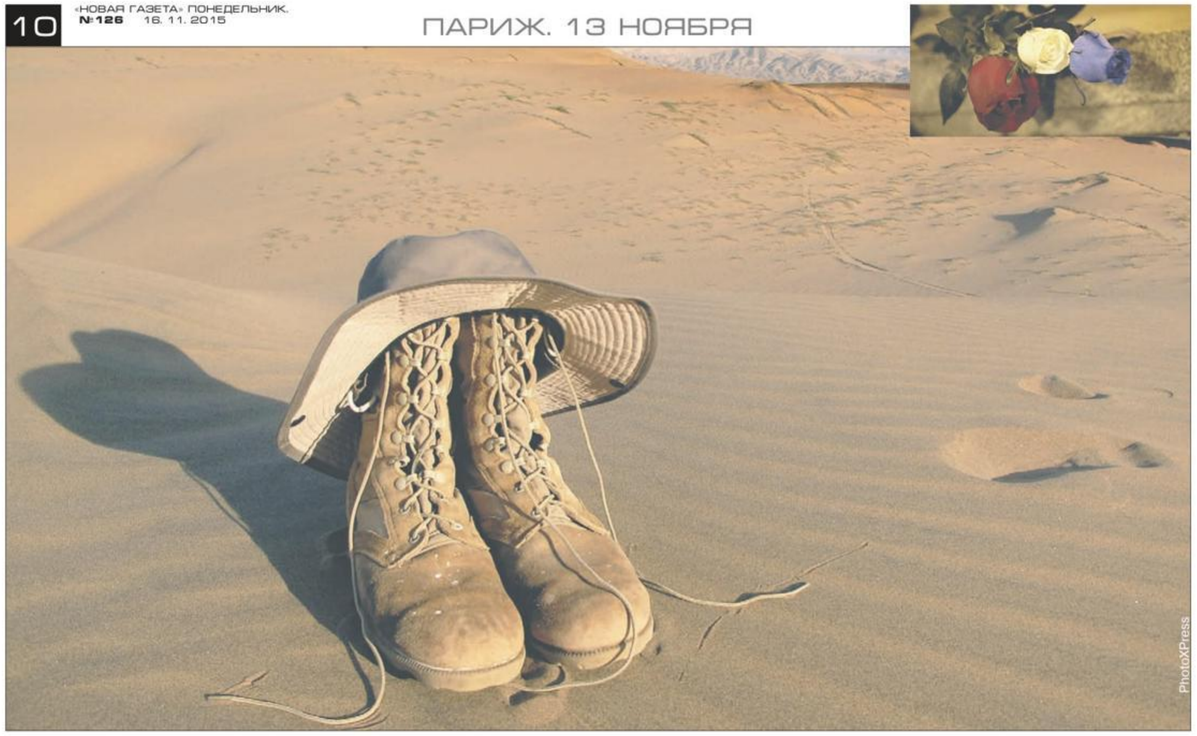
EPA

«НОВАЯ ГАЗЕТА», *кавалер ордена Почетного легиона:*

— Дорогая Франция!
Париж, любимый!
Друзья!

Среди тех прекрасных людей, которые пришли с цветами и свечами к французскому посольству в Москве, было много наших журналистов и неизмеримо больше наших читателей. На сайте «Новой» много часов подряд люди высказывают свои соболезнования, выражают свою скорбь. Друзья газеты, замечательные музыканты, в дни траура будут на московских бульварах играть мелодии Франции... На сайте «Новой газеты» можно увидеть и услышать, как «Марсельезу» поют Мирей Матьё и отважные парижане на стадионе Stade de France в минуты ожидания новых взрывов...

Мы на вашей стороне.



Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР
обозреватель «Новой»

«Наземная операция началась»

Но не в Сирии, а в Париже

Массированное нападение террористов, вооруженных бомбами и стрелковым оружием на Париж напоминает атаку в конце ноября 2008-го исламских террористов из связанной с «Аль-Каидой» организации «Лашкаре-Тайба» («Армия праведников») на индийский Мумбаи. Тогда в Мумбаи было ранено более 600 человек и убито 266, включая 9 террористов, а единственного выжившего злодея потом судили и повесили. Небольшие ударные группы террористов по два-три человека вели беспорядочный огонь по кому придется одновременно в разных частях мегаполиса — как сейчас в Париже. Взрывали бомбы, захватывали заложников, но не с целью выдвигать какие-либо требования, а чтобы сбить с толку силы правопорядка и убить тем временем больше людей.

В чем цель?

Основная цель нападения на Париж была именно в том, чтобы жертвы и ущерб были максимальными. При этом террористы в Париже, похоже, связанные с запрещенной в РФ организацией «Исламское государство», шли на дело настроенные непременно погибнуть, что существенно отличает их действия от нападения диверсионного отряда профессионального спецназа.

Несмотря на общий смертоубийственный настрой, в конкретном планировании и подготовке террористические организации всегда очень прагматичны — они направляют усилия в самое слабое место. Американцы давно бомбят ИГ, помогают курдам вести успешное контрнаступление, а французы только посылают в регион свой единственный авианосец «Шарль де Голль». Но в США, очевидно, спецслужбы работают лучше, массированное нападение подготовить труднее и дороже, а возможность преждевременного провала — выше. Террористы — всегда оппортунисты в практических делах. И тут, наверное, я скажу «спасибо» Эдварду Сноудену, WikiLeaks и прочим активистам: суды, законодатели и общественность эффективно перекрыли возможность массовой прослушки всяких электронных сообщений в Европе, а в Америке еще не до конца. Без электронных коммуникаций через соцсети и т.д. осуществить синхронизированное нападение на Париж было бы, наверное, невозможно. При этом французские спецслужбы, очевидно, ничего заранее не ведали, пока стрельба и взрывы не начались.

Террористы в Париже, скорее всего, не были беженцами из тех, кто сейчас захлестывают Европу. Для успешного нападения лучше подходят идеологически обработанные «нормальные» люди с нормальными документами, которые, скорее всего, не попадутся при случайной полицейской проверке. Теперь, конечно, в Европе беженцев из Сирии будут дополнительно прессовать, и этот исход, кстати, мог быть одной из стратегических целей парижской бойни: чем хуже сегодня беженцам в Европе, тем больше будет в будущем потенциальных сторонников у ИГ.

> «Теперь, конечно, в Европе беженцев из Сирии будут дополнительно прессовать, и этот исход, кстати, мог быть одной из стратегических целей парижской бойни: чем хуже сегодня беженцам в Европе, тем больше будет в будущем потенциальных сторонников у террористов»

Будет ли наступление на земле?

Несмотря на всеобщее международное возмущение и сочувствие жертвам парижской бойни, никакой совместной наземной операции мирового сообщества против ИГ в Сирии или в Ираке не предвидится. Ни Америка, ни Франция, ни Россия не пошлют массы своих солдат в поход на Ближний Восток по разным причинам, но также потому, что нет никакой основы взаимного доверия. Продолжат бомбить. ИГ нанесло удар не только по Парижу: смертники взорвали пару бомб и убили много народу в Бейруте, в районе, который контролирует шиитская «Хезболла», воюющая в Сирии на стороне сил Башара Асада. Теперь, после Парижа, можно ожидать, что террористы продолжат свою наземную операцию дальше, и на прицеле потенциально прежде всего Россия и США — где слабее спецслужбы, там, наверное, и ударят. Напав на Париж, террористы захватили инициативу, но непонятно, хватит ли у них сил и ресурсов, чтобы ее удержать.

А теперь несколько практических советов

Если кто случайно попал в зону массированного террористического нападения, то надо вести себя, как в зоне боевых действий, где никто не соблюдает правило не стрелять по безоружным. Надо укрываться от огня, падать, не раздумывая — хоть в грязь, хоть в лужу — услышав звуки выстрелов или взрывы. Не любопытствовать, не высовываться и не выглядывать, чтобы понять, что происходит (убивают — вот что происходит!). Не лезть под перекрестный огонь, удаляться по возможности от мест, где стреляют и что-то взрывается. Хорошо запереться в закрытом помещении без окон и дать возможность профессиональным бойцам и спасателям делать свое дело.

Если есть старая советская чугунная ванна — вот отличное место, чтобы прилечь, сделать селфи и отправить друзьям.

Не те и не там

Страшные итоги прошедшей недели: масштабные теракты сразу в нескольких странах, противостоящих ИГИЛ*

Исламское государство взяло на себя ответственность за ряд терактов, прогремевших в Ливане и Ираке в конце прошлой недели.

Погибли 69 человек, около 300 — ранены. Многие пострадавшие находятся в критическом состоянии. Цель этих терактов не только посеять панику среди мирного населения, но и разжечь межконфессиональный конфликт между шиитами и суннитами.

Похороны погибших в Бейруте вылились в многотысячную демонстрацию протеста против террора

Reuters

В четверг двойной теракт произошел в столице Ливана. Четверо смертников на двух мотоциклах ворвались в оживленный квартал в южном пригороде Бейрута. На каждом из них была поясная сумка со взрывчаткой. Они подъехали к мечети, где и произошли два взрыва. Люди отреагировали молниеносно. Третьего смертника, не успевшего взорвать себя, — толпа буквально растерзала, четвертому удалось сбежать. Позднее его поймала полиция, сейчас он находится в больнице под охраной.

В результате этого теракта погибли 43 человека, более 240 получили ранения. Однако жертв могло бы быть больше. После того как прогремел первый взрыв, молодой ливанец накрыл своим телом второго смертника.

Даже для неспокойного Ливана (с одной стороны страна граничит с Палестиной, с другой — имеет 300-километровую границу с Сирией) это был самый крупный теракт за последние годы. Террористы очень точно выбрали место. Оживленный жилой квартал; с одной стороны мечеть, куда люди пришли на вечернюю молитву, с другой — большой торговый центр.

Этот теракт еще больше обострил и без того непростую обстановку в стране. Мало того, что многоконфессиональный Ливан переживает сегодня политический кризис, — вот уже 17 месяцев политические партии, представляющие разные религиозные группы, никак не могут договориться между собой. Теперь же обострился и религиозный вопрос. Дело в том, что теракт произошел в районе, где в основном живут шииты. Смертники же, как выяснилось позднее, были палестинцами (то есть суннитами). Более того, именно в этом районе находится крупный лагерь палестинских беженцев Бурдж-аль-Бараджна (существующий еще с 1942 года), там сейчас проживают 28 тысяч человек (подавляющее большинство из них палестинцы, около 3 тысяч — сирийцы).

И произошедший теракт вполне может спровоцировать столкновения.

Именно поэтому ливанские власти созвали экстренную сессию парламента, открывая которую спикер Набих Барри сразу же отметил, что «палестинцы, совершившие этот чудовищный теракт, не имеют никакого отношения к лагерю беженцев». Все партии и религиозные группы выразили пострадавшим семьям свои соболезновании и осудили действия террористов.

На следующий день, в пятницу, «Исламское государство» взяло на себя ответственность за новые теракты — теперь в Ираке. Первый взрыв прогремел на юго-западе Багдада, во время похорон иракского военнослужащего, погибшего в бою с боевиками ИГ. Смертник смешался с траурной процессией. Погиб 21 человек, около 50 получили ранения.

Второй взрыв произошел также в Багдаде, около священного для шиитов места паломничества в районе Садр. Бомба с дистанционным управлением была заложена у дороги. Погибли 5 человек, 15 — ранены.

Печальный счет прошлой недели: теракты в Бейруте, Багдаде, Париже. Логика боевиков очевидна: страдают мирные граждане тех стран, которые открыто дают отпор фанатикам. Боевое крыло радикальной ливанской партии «Хезболла» (ливанские шииты) воюет в Сирии. Одна треть территории Ирака сейчас оккупирована ИГ, и правительственные войска ведут борьбу с ними. Франция же вступила в сирийский конфликт на стороне международной коалиции в сентябре этого года.

Ирина ГОРДИЕНКО, «Новая»

* *Террористическая организация, запрещенная на территории России.*

ВОЙНА В СИРИИ

Ракеты «воздух—нефть»

Французская авиация уничтожает бизнес боевиков

Вечером 9 ноября авиазвено ударных истребителей-бомбардировщиков Mirage ВВС Франции, вооруженные 6 тоннами авиабомб каждая, взлетело с авиабазы «Принц Хасан» в Иордании и взяло курс на восток Сирии в провинцию Дейр-эз-Зор, где нанесло два авиаудара по нефтеперекачивающим станциям, контролируемым ИГ *(террористическая организация, запрещенная в России)*. Так началась операция западной коалиции Tidal Wave II («Прилив-2»).

10 ноября министр обороны Франции Жан-Ив Ле Дриан сообщил об удачном боевом вылете французских летчиков, пояснив:

— Нашей задачей является ослабление финансового потенциала ИГ путем нарушения эксплуатации нефтяных объектов в зонах, которые контролируются террористической группировкой.

При этом глава французского военного ведомства Франции подчеркнул, что авиаудары были нанесены на основе разведданных, полученных за несколько недель наблюдения.

Утверждение о разведданных и времени, когда их добыли, вызывают вопросы. Напомним: еще 26 сентября «Новая газета» обнародовала расследование «Трубный запах», в которой мы рассказали о нефтяном бизнесе террористов, об объемах подпольного нефтяного рынка и доходах террористов. В публикации была приведена сделанная со спутника фотография работающей нефтеперекачивающей станции, контролируемой ИГ. И задан вопрос: «Почему никто не мешает террористам ИГ зарабатывать миллиарды на торговле нефтью?» *(см. «Новую», № 106 от 28 сентября 2015 г.)*

Эта история получила продолжение. Нефтяным бизнесом ИГ заинтересовались многие СМИ. К примеру, 14 октября свое расследование опубликовала влиятельная британская газета Financial Times. 1 ноября специальный репортаж о нефтянке террористов вышел в эфире программы «Вести недели» на канале «Россия».

И во всех этих материалах были точные данные о дислокации объектов нефтяной инфраструктуры ИГ. Какие разведданные собирали французы в «течение нескольких недель»?

Авиаудары ВВС Франции по нефтеперекачивающим станциям в провинции Дейр-эз-Зор выглядят не очень своевременными еще и вот почему.

Столица провинции Дейр-эз-Зор, одноименный город, находится под контролем сирийских правительственных войск. Гарнизон окруженного города три года успешно отбивал попытки террористов захватить его. Под контролем асадовской армии находится и аэропорт, откуда авиация ВВС Сирии регулярно совершает боевые вылеты и где регулярно приземляются транспортники с подкреплением. (Кстати, тут возникает вопрос: почему нефтяная инфраструктура террористов не была атакована ВВС Сирии на протяжении нескольких лет?) С начала ноября интенсивность «воздушного моста» резко увеличилась в связи с подготовкой сухопутной операции в направлении столицы ИГ — Эр-Ракки, до которой меньше 100 километров *(см. «Новую», № 122 от 6 ноября 2015 г.)*.

Боевая задача, поставленная французским летчикам в виде «ослабления финансового потенциала ИГ», выглядит сильно запоздавшей. После того как еще в октябре авиагруппа ВКС России нанесла бомбовый удар и уничтожила мост через Ефрат в провинции Дейр-эз-Зор, логистика нефтебизнеса террористов была уже нарушена. А после того как 10 ноября сирийская армия разблокировала аэродром «Кверис» в провинции Алеппо, де-факто был ликвидирован и коридор взаимодействия ИГ с турецкими нефтетрейдерами. На сегодняшний день под контролем ИГ остается единственное направление сбыта нефти — через Ирак.

Ирек МУРТАЗИН, «Новая»

Девятнадцать ножевых ранений, потеря почти трех литров крови, трое суток реанимации... Предприниматель из Нового Уренгоя Олег Ситников выжил.
Покушение на собственника «Корпорации Роснефтегаз» и руководителя Ново-Уренгойского отделения «ОПОРы России» произошло в сентябре 2013 года, но преступление до сих пор не раскрыто. Одновременно с волокитой в расследовании уголовного дела продолжается прессинг предприятий Ситникова, входящих в «Корпорацию Роснефтегаз». Одна за другой идут проверки. Изымаются документы и оргтехника. Ситников завалил жалобами и заявлениями суды, надзорные органы, общественные организации. О том, что не дают работать, даже устранять предписания, останавливают работу баз, лишают тепло- и электроснабжения.

Заказное убийство бизнеса

Правоохранительные органы не торопятся отрабатывать наиболее очевидную версию резонансного покушения на уренгойского предпринимателя

После июльской командировки в Ямало-Ненецкий автономный округ у меня сложилось впечатление, что бандитов, совершивших покушение на бизнесмена, и полчища проверяющих объединяет одна цель: вынудить Ситникова свернуть бизнес и покинуть Ямал. Именно об этом я и написал в материале «Тиски ликвидаторов» *(см. «Новую», № 77 от 22 июля 2015 года)*.

После публикации «Новой газеты» Генеральная прокуратура отправила на Ямал группу сотрудников. Изучение материалов проверок и уголовных дел показало, что обыски, выемки и изъятия документов и компьютеров предприятий Ситникова нередко проводились **«в отсутствии достаточных оснований, а также с подменой функций контролирующих органов»**. При этом часто изымались документы и предметы, не имеющие отношения к предмету обысков.

Сотрудники Генпрокуратуры отметили и **«неоправданную волокиту практически по всем изученным делам, ненадлежащее рассмотрение жалоб»**.

К уголовному делу о покушении на Ситникова у Генеральной прокуратуры России тоже есть серьезные претензии из-за **«наличия существенных недостатков в расследовании»**. Прокурору ЯНАО предложено изъять дело из полиции Нового Уренгоя и передать его в окружную столицу, в производство следователей, имеющих опыт в расследовании подобных дел. Но рекомендацию Москвы прокурор ЯНАО проигнорировал.

Олег Ситников убежден, что расследование покушения на него сознательно стопорится прокуратурой ЯНАО. Когда Ситникова официально допросили как потерпевшего, он дал показания, что подозревает в организации покушения известного в Новом Уренгое московского предпринимателя Сергея Веселкова.

— Два года прошло. А следствие и не думает проверять версию причастности к преступлению Веселкова! — возмущается Ситников. — Даже уголовное дело возбудили не по статье «Покушение на убийство», а по части 3 статьи 162 УК РФ — «Разбой». Хотя преступник не взял денег, не рылся в моих карманах, его даже норковые шубы, висевшие в гардеробной, не заинтересовали... Нападавший бормотал, что надо было уезжать из Ямала и не строить мост через реку Пур.

Сергей Веселков в Новом Уренгое — человек, известный «слияниями и поглощениями» различных компаний.

Недавно девять руководителей ямальских предприятий, затронутых деятельностью Веселкова, обратились с коллективной жалобой к генеральному прокурору и министру внутренних дел России *(копия жалобы есть в распоряжение редакции. — И. М.)*, в которой написали о бездействии прокуратуры ЯНАО. В частности, о том, что расследование преступления, инкриминируемого Веселкову по уголовному делу № 201403315/50, в очередной раз приостановлено. Это притом что, по мнению авторов обращения, в деле достаточно материалов, подтверждающих мошенические действия Веселкова и последующие преднамеренные банкротства, в результате которых причинен многомиллиардный ущерб сотням юридических лиц.

> Олег Ситников убежден, что расследование покушения на него сознательно стопорится прокуратурой ЯНАО. Когда Ситникова официально допросили как потерпевшего, он дал показания, что подозревает в организации покушения известного в Новом Уренгое московского предпринимателя Сергея Веселкова

К примеру, Светлана Полтавец, главный бухгалтер ООО «Норд Сервис», одной из ключевых компаний, подконтрольных Веселкову, рассказала следствию о схемах, при помощи которых якобы искусственно создавались условия для банкротства предприятий, обналичивались сотни миллионов рублей, выводились из-под налогообложения астрономические суммы *(в распоряжении редакции имеется копия протокола допроса Полтавец в рамках уголовного дела № 201403315/50. — И. М.)*

Олег Ситников утверждает, что Веселков проявлял интерес и к его компании: с 2011 года, когда Веселков появился на Ямале, где не был около двух лет, он якобы подбирался к «Корпорации Роснефтегаз». А когда по заявлению Ситникова возбудили уголовное дело в отношении партнера Веселкова Евгения Дружинина, у него начались серьезные проблемы с правоохранительными органами, зачастившими в «Корпорацию Роснефтегаз» с проверками.

— Думаю, что Веселков подключил свою «крышу»... — предполагает Ситников. – ...Наверное, рассчитывали, что я не выдержу прессинга и сверну свой бизнес. А когда поняли, что просчитались, видимо, и было принято решение физически ликвидировать меня...

Серьезное обвинение, требующее не менее серьезной проверки. Я начал наводить справки про Веселкова. Оказалось, что еще в 2008 году мой коллега Леонид Никитинский встречался с ним. Интерес Никитинского к Веселкову был продиктован журналистским расследованием об уголовном деле в отношении бывшего бизнес-партнера Веселкова, который не просто был вынужден покинуть Ямал, но и отправился в тюремную камеру *(см. «Новую», № 83 от 10 ноября 2008 года)*.

Мне тоже удалось связаться с Веселковым. Но разговаривать по телефону он со мной не стал. Прислал СМС: «Я не могу сейчас говорить. Занят. Пишите». Написал: «Сергей Николаевич. Хотелось бы поговорить с вами об обвинении Ситникова, что это вы организовали покушение на него...» Но ни ответа на этот вопрос, ни более обстоятельного разговора я так и не дождался.

Руководитель службы безопасности Веселкова Андрей Светличный (к слову, бывший зампрокурора Нового Уренгоя) оказался более разговорчивым. Он сказал, что в последнее время редко общается со своим шефом.

— Потому что он редко бывает в Новом Уренгое? — уточнил я.

— Это вы у него спросите, — уклонился Светличный от ответа.

Про предположение Ситникова об организаторе покушения Светличный тоже не захотел говорить:

— От комментариев воздержусь. Не хочу влезать в эту грязь...

Справедливости ради о возможном организаторе покушения на Ситникова не хотят говорить не только сотрудники Веселкова. Гендиректор компании «Уренгойгеоресурс» Борис Карпов, один из девяти предпринимателей, подписавших обращение к генпрокурору и главе МВД России с требованием привлечь Веселкова к ответственности, когда я спросил его, мог ли Веселков организовать покушение на Ситникова, ответил:

— Убежден, что он, конечно, неопорядочный и незаконопослушный человек, но мог ли он заказать убийство, не берусь судить. Это вопрос правоохранительных органов...

А вот частный предприниматель Мохамат Оздиев уверен, что Веселков вполне мог заказать ликвидацию Ситникова:

— Для него нет ничего святого. Он на все способен, — убежден Оздиев.

С мнением Оздиева согласен и генеральный директор компании СМК Сергей Мавров, который трижды обращался в правоохранительные органы с заявлениями о противоправных действиях Веселкова, но в ответ получал отписки. Мавров тоже считает: версия, что Ситникова «заказал» Сергей Веселков, не беспочвенна.

Я очень хотел встретиться с прокурором Ямало-Ненецкого автономного округа Александром Герасименко, чтобы задать вопросы и о покушении на Ситникова, и о бесконечных проверках предприятий, входящих в «Корпорацию Роснефтегаз». Но прокурор от встречи уклонился. Журналистский запрос «Новой газеты», направленный в Генеральную прокуратуру с просьбой о содействии в организации записи интервью с прокурором ЯНАО, переправили в прокуратуру округа. А оттуда пришел ответ, что прокурор не будет встречаться с корреспондентом «Новой», потому что «в соответствии с п. 8.5 регламента прокуратуры ЯНАО» окружной прокурор может встретиться с журналистом только в том случае, если он уже был на личном приеме у заместителей прокурора ЯНАО. Если прокурор округа не видит разницы между «личным приемом граждан» и встречей с представителями СМИ — это, по-моему, правовая дремучесть.

Справедливости ради надо сказать: ответ из прокуратуры ЯНАО на запрос, поступивший из Генпрокуратуры России, подписал не сам окружной прокурор, а начальник отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью. Между тем поручения районным прокурорам о проверке предприятий Олега Ситникова прокурор ЯНАО Александр Герасименко подписывает лично. При этом ссылаясь на поручения заместителя генерального прокурора России Александра Буксмана *(в распоряжении редакции есть копии поручений прокурора ЯНАО. — И. М.)*.

Ирек МУРТАЗИН,
спец. корр. «Новой»,
Новый Уренгой — Москва

Дмитрий БЫКОВ: «Я оказался ее преподавателем»

Пара слов от научного руководителя. Настя Егорова — моя дипломница на журфаке, пишет работу о русских послереволюционных дневниках, о специфике жанра и авторского образа в «Окаянных днях» Бунина и «Черной книжке» Гиппиус.

Ну, Егорова и Егорова, распространенная русская фамилия. И когда она меня попросила помочь с трудоустройством, я удивился:

— Зачем тебе, ты же на дневном?

— Деньги нужны, — просто сказала Егорова. — Передачи матери возить. Я дочь Егоровой из «Оборонсервиса».

Это потом я узнал, что первая попытка трудоустройства у нее чуть не закончилась гибелью, потому что она там подрядилась вместе с подругами-англичанками торговать элитными собаками, и, развозя этих собак, попала в автокатастрофу, умудрившись в нескольких местах сломать позвоночник, шесть ребер и получить коллапс легкого. Но это было год назад. Сейчас она уже вся срослась, исправно пишет диплом и ездит к матери раз в три недели.

— Вот про это и напиши, — сказал я ей. — Если в «Новой» понравится, они возьмут. Зачем тебе искать тему, когда ты вон сама уже — тема?

И она действительно тема, потому что, знаете, очень трудно так резко поменять статус, из вполне обеспеченной семьи оказаться в совершенно необеспеченной, да еще на тебя и смотрят с некоторым злорадством, хотя вообще-то на журфаке люди хорошие. Я даже думаю, что дети российской элиты — какова бы ни была сама эта элита — имеют дополнительный шанс вырасти хорошими. Примерно как Маленькая разбойница у Шварца. Хотя нечто подсказывает мне, что Ирина Егорова до атаманши недотягивает.

Короче, вот что она написала. Мне очень понравилось. Хотя выполнять такое задание и не бить на жалость — очень трудно.

Настя ЕГОРОВА: «Как я маме возила передачу»

Мама — в колонии. Она чуть ли не единственная, кто сегодня сидит там по делу «Оборонсервиса»

С мамой пять лет назад

Фото из личного архива

Первое, что спрашивает у меня, нагруженной хозяйственными сумками в половину моего веса, таксист на вокзале города Владимир морозным октябрьским утром: «Вам туда, на зону, да?» Тем самым снимает необходимость объяснений, к которым я за долгую эту историю так и не могу привыкнуть. Уже в машине следует череда бестактных вопросов: «А у вас там кто? Сестра, мама? А вы первый раз? А сколько дали? А за что?» Сведения эти служат неизбежными чаевыми к 1000 рублей, которые водитель получает за 40 км от Владимира до поселка Головино. В такие моменты я скучаю по лондонским кэбам, где можно спрятаться за пластиковой стеной молчания между водителем и пассажиром. Однако плюсы есть и у русской болтливости, и у любопытства к чужим проблемам — таксист рассказывает мне восхитительный анекдот, который возвращает мне обычную извительность и самообладание: «Мы вот сейчас будем сворачивать с трассы на проселочную дорогу на Гусь, а потом еще дальше, на Головино. Раньше там вместо асфальта были ямы, а вот когда Васильеву везли в колонию, специально для нее от трассы до зоны новый асфальт положили — гладкий, как стекло!» (Асфальт, кстати, и правда хороший, хоть и явно старше васильевского этапа.) Знал бы ты, таксист, к кому я еду...

> Домой со мной поехали только макароны и пирожки в неубедительно заводской упаковке. Для первого раза — очень хорошо. Наверное, меня пожалели

В 6.30, будучи наученной долгими 16 месяцами в «Печатниках», когда зимой приезжаешь к 5.30 в СИЗО, записавшись с вечера, а оказываешься двадцатым в очереди... Я, как отличница, с рассветом уже входила на территорию. Тишина вокруг звенящая, напротив зоны — церквушка, одноколейка, припорошенная снегом, и пустая автобусная остановка. Полное отсутствие людей наталкивает на страшную догадку — неужели санитарный день?! В такое время предприимчивые родственники заключенных, сотрудники и адвокаты СИЗО номер 6 в «Печатниках» уже грызлись за очередь, места в списке и дефицитные бланки адвокатских требований и списков для передачи. А здесь — тишина и пустота. Ни души. После беглого обследования территории была обнаружена дверь с надписью «Комната приема передач» — заперто. Холодно. Обнадеживает, ничего не скажешь. Нехарактерное отсутствие камер придало мне смелости проверить пару соседних дверей, одна из которых оказалась открытой, табличка внутри гласила: «Бухгалтерия». Наличие широкого подоконника и батареи под ним развеяли последние сомнения насчет правомерности моего нахождения здесь. Полчаса спустя из глубины помещения появилась женщина в форме и шерстяном платке, с трудом подавив в себе желание спрыгнуть с подоконника и встать по стойке смирно, я все-таки выяснила, что передачи с восьми утра, в той самой запертой комнате, и что «раз уж приехали», то и на подоконнике погреться можно.

Смутное беспокойство о сохранности сумок, оставленных на пороге «комнаты для приема», и возможная конкуренция за первое место в очереди (зря я, что ли, выехала из Москвы на поезде в 2.20) вытащили меня обратно на холод. Дверь заветной комнаты оказалась открытой, но недоступной — проводился утренний инструктаж сотрудников. Женщина в телогрейке кормила вареной колбасой местную кошку шпротного окраса. Колбаса осталась нетронутой, кошка надменно удалилась. А у меня промелькнула злая мысль, что кошек здесь кормят лучше, чем людей.

В 8.00 удалось проникнуть в вожделенную комнату, а конкуренты так и не возникли. В окошке для приема передач обнаружилась тетя в форме, но без халата, с вполне человеческим лицом и приветливым выражением. Это было... Неожиданно. Обычно люди, причастные к этой системе, смотрят на тебя либо с чувством собственного превосходства и сознания безграничной власти в глазах, либо как мои старые знакомые, майоры ФСБ, которые регулярно заходили на чай во время зимней сессии на моем первом курсе. Искали у меня на кухне мою маму и вежливо интересовались, не укрываю ли я ее. Во взгляде этих людей просвечивает: «Я знаю что-то, чего не знаешь ты». Даже если это совсем не так. И им совершенно невозможно отказать, особенно когда они ловят рукой дверь, которую ты сам перед ними ключом и открываешь, и спрашивают, а не хочу ли я поговорить. По сей день мне интересно: если бы я отказалась, они бы ушли?

А дама в окошке для приема передач выглядела очень даже человечно. Скептически оглядела мой распечатанный список на установленном бланке (распечатанные, а не рукописные бланки в СИЗО — знак особой заботы передающего о сотрудниках, чтобы те не ломали глаза, разбирая почерк).

В «Печатниках» вообще принято заботиться о сотрудниках, а то как вернут тебе половину продуктовой передачи, и ешь потом эти пять коробок сухих завтраков до посинения, или приришут перевес за текущий месяц, и сиди до 1-го числа следующего... **Хорошее настроение принимающего — залог сытости заключенного.**

Мои переупакованные в одноразовые пакеты на молнии из IKEA продукты вызвали ухмылку. Оказывается, здесь так не принято — все должно быть в заводской упаковке, проверяют и распаковывают при тебе. В «Печатниках» такая дотошность в упаковке вызывала снисхождение принимающих и сильно ускоряла процесс приема передачи. Я все еще не перестала морщиться от правил: «Не больше десяти трусов, а то свяжут и повесятся на них»; упаковку влажных салфеток нужно обязательно разрезать и перебрать, не важно, что они после этого больше не влажные; а шампунь обязательно должен быть перелит из бутылки в полиэтиленовый пакет, хотя с тем же успехом его можно было и просто вылить. Человек со временем приспосабливается ко всему, к любой степени издевательства и унижения. Наверное, еще прошло недостаточно времени для полного смирения.

Здесь пачку кофе в заводской вакуумной упаковке вспарывают ножом и высыпают вместе с обрезками в полиэтиленовый пакетик. Новые правила нашей новой действительности. Из всей передачи домой со мной поехали только макароны, которые оказались недостаточно быстрого приготовления, и пирожки в неубедительно заводской упаковке. Для первого раза — очень хорошо. Наверное, меня пожалели.

Второй раз за день меня пожалел дальнобойщик. С территории я вышла в **10 утра,** и неожиданно выяснилось, что последний утренний автобус до Владимира уже ушел, а следующий только в два часа дня. Все нормальные люди уже уехали на работу. А достаточной предусмотрительностью, чтобы взять номер такситса, который привез меня сюда, я, как оказалось, не обладаю (вот когда жалеешь, что «Яндекс.Такси» — явление не повсеместное). Поймать машину не удавалось довольно долго: местные жители не особо отзывчивы. Когда передо мной начала тормозить фура, дилемма в моей голове между замерзнуть и сесть к незнакомому дальнобойщику в кабину решилась довольно быстро: уж больно человечный был вид у водителя. В 21 год первый раз прокатилась на фуре и была очень благодарна ему за молчание.

Анастасия ЕГОРОВА — для «Новой»

Светлана ГАННУШКИНА:

«Музыку заказываем мы, граждане»

Лауреат премии Егора Гайдара — о том, как стать врагом власти, соблюдая Конституцию

Reuters

В четверг в Москве вручили премию Егора Гайдара — уже в пятый раз. Лауреатом в номинации «За действия, способствующие формированию гражданского общества» — по сути, главной — стала председатель комитета «Гражданское содействие» Светлана Ганнушкина.

«Гражданское содействие» существует уже 25 лет. Это первая и самая эффективная организация помощи беженцам, вынужденным переселенцам и мигрантам. Без сомнений, Светлана Алексеевна и ее комитет — легенды в правозащитном поле. В том самом поле, которое сейчас, как мы можем наблюдать, закатывают в асфальт. И на этом фоне непреклонная вера Ганнушкиной в российское гражданское общество, которое и она сама строит по кирпичику, придает оптимизма и мужества.

— То, что мы делаем, — не только «Гражданское содействие», а мы все вместе — и есть подтверждение существования гражданского общества, — говорит она. — Гражданское общество — это люди, которые в состоянии объединиться вне зависимости от поручений власти, сами по себе. Мы и есть единица этого гражданского общества.

— Вашу организацию объявили иностранным агентом. И сейчас Минюст обвиняет «Мемориал» в подрыве конституционного строя...

— Интересно, кто из нас нарушает конституционный строй — мы или те, кто нас в этом обвиняет? *(С. Ганнушкина — член совета «Мемориала». —* **Е. Ф.**) Именно действия сегодняшней власти создают опасности для конституционного строя, она постоянно нарушает Конституцию. И как раз по тем вопросам, по которым мы теперь у них выходим виноватыми. Да, мы выступили против аннексии Крыма. Но в 1994 году был подписан меморандум под гарантии США и Великобритании. Украина выполнила свои обязательства, а Россия — нет. Пятнадцатая статья Конституции четко говорит, что международные договоры выше наших собственных законов. Более того, внутреннее законодательство тоже не допускает тех действий, что все мы наблюдали. Так кто нарушает закон и Конституцию?

Нас обвиняют, что мы поддерживаем узников «болотного дела». Но на Болотной была мирная акция, которая если и вызвала какие-то беспорядки, — то только в результате действий полиции. Если бы людям дали спокойно пройти там, где они хотели, выразить свое отношение к происходящему, то ничего бы не было. «Болотное дело» — прямое нарушение 31-й статьи Конституции. Так опять же: кто угрожает конституционному строю? Наша работа направлена на защиту нашей страны, нашего общества и Конституции. Конституция у нас хорошая, хотя в нее уже внесены изменения, которые я считаю не совсем законными. Конституционному строю угрожают как раз те, кто нарушает Конституцию.

— Действия власти вы поддерживаете редко.

— Мы как раз действуем в одном русле с властью. Такие сложились обстоятельства и такая у нас форма деятельности, что наша работа недалеко отстоит от декларируемой политики государства. Комитет «Гражданское содействие» не делает ничего, что с ней расходилось бы. Да, гражданин имеет право мирными методами добиваться изменения политики власти. Возвращая Владимиру Владимировичу Путину его фразу: «Кто платит, тот и заказывает музыку»: мы, граждане, заказываем эту музыку. И я лично выступаю против аннексии Крыма и участия в военных действиях в Украине. Но это я лично, а чем занимается наша организация? Она помогает беженцам из Украины. Разве это расходится с политикой власти? Государство нам говорит: надо бороться с коррупцией. Так почему же наш антикоррупционный проект признан политической деятельностью, направленной против политики власти?[1]

— Номинантов в вашей номинации представляла Людмила Алексеева, на вручении она особо отметила эффективность вашей работы. Государству есть на кого равняться?

— Тут, к сожалению, я с ней согласиться не могу. Я недавно узнала, что в футбольном мире есть лидеры по голам, а есть лидеры — по попыткам. Мы — лидеры по попыткам. Мы никогда, если человеку нужна помощь, не оставляем попытки это сделать.

Екатерина ФОМИНА,
«Новая»

[1] *Именно это обстоятельство позволило Минюсту внести «Гражданское содействие» в реестр иностранных агентов.*

P.S. *Вместе с Ганнушкиной были номинированы* ***Игорь Каляпин****, председатель организации «Комитет против пыток», и* ***Павел Чиков****, руководитель правозащитной организации «АГОРА». За достижения в области экономики награду получил* ***Анатолий Вишневский****, директор Института демографии НИУ ВШЭ; за выдающийся вклад в области истории —* ***Александр Гурьянов****, историк, руководитель польской программы Международного общества «Мемориал». Бывший посол Германии в России* ***Эрнст-Йорг фон Штудинг*** *удостоился премии за вклад в развитие международных связей с Россией.*

Мы поздравляем всех лауреатов и номинантов. Здорово быть с такими людьми современниками и единомышленниками.

non/fiction№17

17-я Международная ярмарка интеллектуальной литературы non/fiction, 25—29 ноября 2015 года в Центральном Доме художника на Крымском Валу

«Новая газета» представляет книги

✔ Григорий Явлинский «Периферийный авторитаризм. Как и куда пришлаРоссия»

✔ Григорий Явлинский, Андрей Космынин «Историко-политические заметки: народ, страна, реформы»

✔ Анна Артемьева, Елена Рачева «58-я. Неизъятое».

✔ Евгений Бунимович «Выбор (записки внезапного депутата в девяти частях с прологом и эпилогом)»

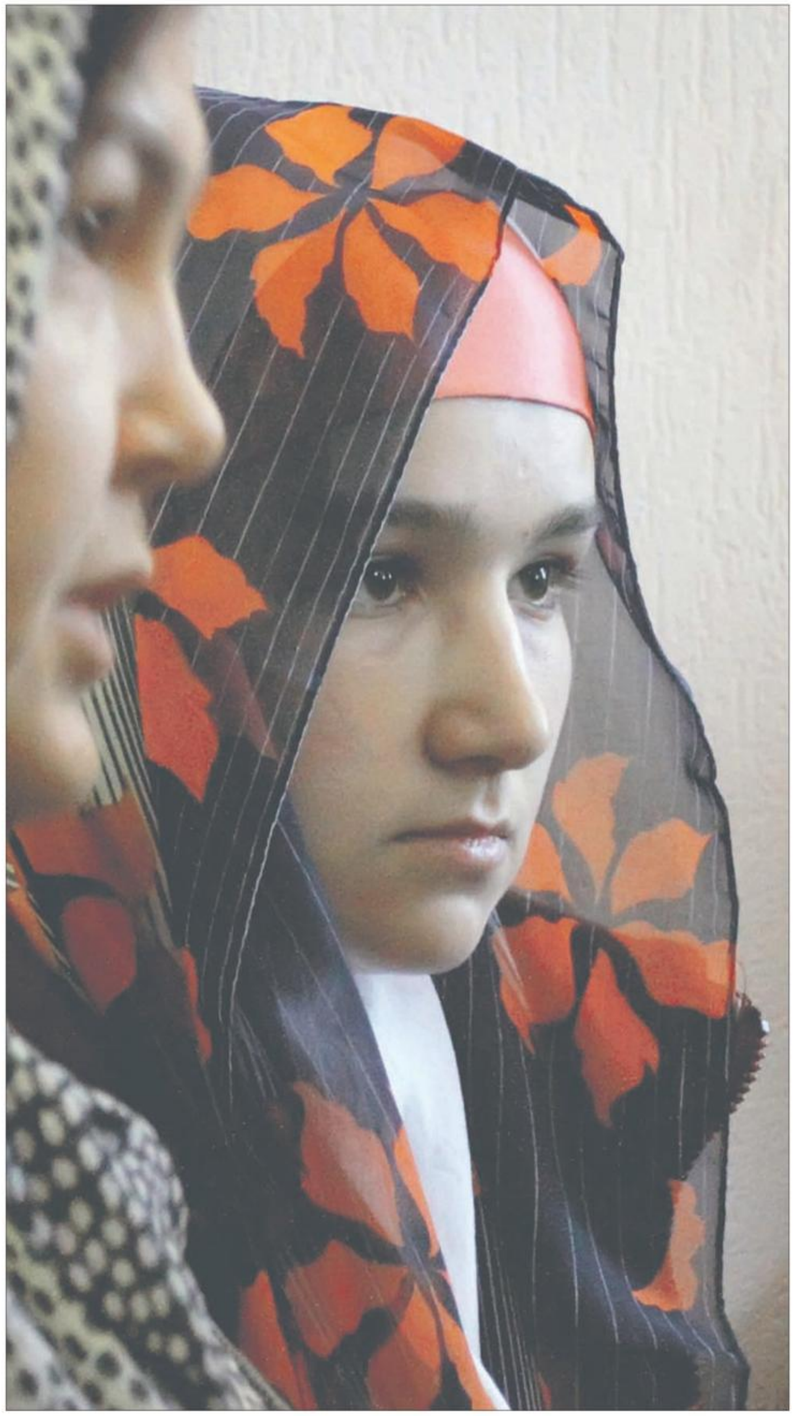
Презентация книг Г. Явлинского состоится в пресс-центре ЦДХ 28 ноября (субб.), в 14.00, книги Е. Бунимовича – в пресс-центре ЦДХ 28 ноября, в 16.00

В этом году мы также предлагаем лучшие книги, изданные за 20 лет ИД «Новая газета»:

- М. Горбачев «Наедине с собой»
- Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей»
- Ф. Искандер «Пиры Валтасара. Кролики и удавы»
- Ю. Карякин «Бес смертный. Приход и изгнание»
- А. Кестлер «Слепящая тьма»
- Л. Копелев «Утоли моя печали»
- Н. Петров «Палачи. Они выполняли заказы Сталина»
- А. Политковская «За что»
- Б. Сарнов «Империя зла. Судьбы писателей»
- А. Симонов «Парень с Ситцева Вражка»
- Е. Фельдман «Врозь»
- Ю. Щекочихин «Не завершен».

Приобрести книги можно на стенде «Новой газеты» (2-й этаж, Е-6)

Она молчит



Посмотрите, пожалуйста, на эту фотографию. Это — девочка, которой недавно стукнуло 21. Это — Зарина, мама Умарали Назарова, которого не стало в ночь с 13 на 14 октября. Он умер в петербургской детской больнице. Родители малыша до сих пор не знают: как и почему? Скоропостижно. В пять месяцев. А до этого был здоров и не болел. Никогда.

До прошлой осени Зарина жила в Таджикистане. У нее не было детей. Могло и не быть. Зарина приехала в Петербург, к мужу (а тот — на заработки), лечилась, и здесь, при помощи врачей, родился Умарали. 20 мая 2015 года. А за несколько месяцев до этого — 26 декабря 2014 года — Зарина по российским законам должна была уехать в Таджикистан. А она была беременна и не рискнула. И с маленьким Умарали — тоже. Зарина и Рустам ждали, когда сыну исполнится полгода, и уже купили билеты в Таджикистан на конец ноября.

Но 13 октября к ним домой пришли бравые молодцы из ФМС, отвезли Зарину в полицию, потом в суд и наказали. Не штрафом 5 тысяч рублей и не решением о выдворении. У Зарины отняли пятимесячного сына и не вернули.

Пять месяцев первой материнской любви убили пять секунд, когда из больницы позвонили и сказали: «Не надо приезжать. Умарали умер».

Впервые я увидела Зарину спустя неделю после смерти сына. Она уже тогда НИЧЕГО НЕ ГОВОРИЛА, даже по-таджикски. Много плакала, но еще чаще — стояла или сидела и молча смотрела в пустоту. Уже тогда было понятно, что ей очень-очень нужны психологи, и не каждый ее вытащит. А то, что началось потом, — я не знаю, как назвать...

На днях мне звонил Рустам. Он сказал: «Я не понимаю, что они делают? Мы никогда не верили и не ждали, что кого-нибудь накажут за смерть Умарали. Мы просто хотели знать: как и почему умер наш сын?! Мы просто хотели знать... А теперь вину валят на нас. Ко мне приходят следователи и говорят, чтобы я ставил подписи, что это я убил своего сына...»

Две проверки правоохранительных органов в отношении Зарины и ее мужа продолжаются. Полиция и СК РФ пытаются возбудить дело — за плохой уход за ребенком (ст. 156 УК РФ) или за отказ родителей сдавать кровь (ст. 308 УК РФ). У них хотят найти цитомегаловирус, который есть у 90% людей и который — по последней версии следствия — убил Умарали.

10 ноября Рустама и Зарину насильно, приводом, доставили в лабораторию. Не меньше восьми человек (полицейские и следователи) пришли за родителями малыша. Адвокаты их отбили. А через два дня (через два всего лишь!) новый суд по выдворению: Зарина подала жалобу в горсуд Петербурга, 12 ноября он ее рассмотрел.

Даже адвокаты полагали, что Зарина нужна следствию, чтобы доказать вину. Ее вину в смерти сына. Нет. Не нужна. Вину докажут без нее...

Если не шок, то удивление испытали все, кто был 12 ноября в зале суда. Три часа судья Елена Широкова (3 часа — это нонсенс для такого административного правонарушения) «разбиралась в деле» и вдруг, не объявляя ни секундного перерыва, достала и зачитала ГОТОВОЕ РЕШЕНИЕ... Готовое, уже написанное. Откуда?

Пять дней дала Широкова Зарине, чтобы та покинула Россию и пять лет сюда не приезжала. Не позднее 17 ноября мать должна вернуться на таджикскую землю. А ее малыша (тело которого ей до сих пор не отдали) — по нашим законам — не позднее 14 ноября должны похоронить за государственный счет в российской земле.

Вечером 12 ноября мне звонила свекровь Зарины. Она плакала. «А Зарина, — рассказывала свекровь, — НЕ ПЛАЧЕТ, НЕ ГОВОРИТ, НЕ СПИТ, НЕ ЕСТ. Уже несколько дней так, с 10 ноября точно, а сегодня за день не сделала ни глотка воды. Рустам хоть чай пьет, а она, как кукла, — взяли, посадили, повезли, привезли...»

Адвокаты переживают: если с Зариной что-нибудь случится — то следствие очень обрадуется. Им только это и нужно. Ребенок умер, мама умерла — вирус, вирус, один и тот же, смертельный вирус. Как он называется?..

Нина ПЕТЛЯНОВА
Фото **Михаила МАСЛЕННИКОВА,**
«Новая»

Лекция профессора Зубова — о русских беженцах в Европе. Часть I

«Эмиграция — наш путь в Россию»

Андрей ЗУБОВ
профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории «Новой»

Огромный поток сирийских беженцев актуализировал проблему беженства. Сейчас он достигает уже четырех миллионов человек и направлен в основном в соседние страны — в Турцию, Иорданию, Ливан, но и почти 800 тысяч находятся в Европе. Говорят, что такого потока беженцев Европа не видела после окончания Второй мировой войны. Речь идет именно о беженстве, а не об эмиграции — экономической или политической. Беженство — это совершенно особое явление, и меня заставила обратиться к теме русского беженства реакция в первую очередь русских людей на сирийское беженство.

Наблюдая этих беженцев в сентябре на острове Самос, я сделал в фейсбуке пост, в котором описал свои впечатления и пожелал этим людям, как раз вспомнив судьбу русских беженцев, найти новое небо и новую землю в Европе. Совершенно неожиданно для меня этот пост вызвал интерес, большое число как позитивных, так и негативных комментариев.

К моему удивлению, я столкнулся с приступом невероятного озлобления не может — только изменники родины, двурушники и шпионы могут предпочесть советскому раю капиталистический ад. Россия, отбросив большевицкую идеологию, присоединилась к конвенции и протоколу в ноябре 1992-го.

Конвенция 1951 года на самом деле есть лишь адаптированная уже через новую организацию, через ООН, конвенция 1921 года. А конвенция 1921 года — это конвенция именно о русских беженцах. Впервые в истории современного мира

> «В странах коммунистического блока антипатия к мигрантам на порядки выше, чем на Западе»

не беженцы, то эмигранты — из Италии, из Германии — просто изрыгали потоки злобы на этих людей. Утверждали, что они вонючие, грязные, что они всех насилуют, убивают. В Германии немцы, репатриировавшиеся из России и Казахстана, и немцы «немецкие» не менее резко поляризовались друг от друга в отношении сирийских беженцев. Обычные немцы приветствуют беженцев, вспоминают, что сами виноваты, что множество людей стали в Европе беженцами в годы Третьего рейха, а немцы русские, не все, но многие, проклинают сирийцев и иных беженцев последними словами на лучше известном им русском языке.

Заинтересовавшись этим феноменом общественного сознания, я увидел, что ожесточение, хотя, может быть, не столь острое, проходит не по границам бывшего СССР со всем остальным миром, а по линии: бывшие страны коммунистического блока — страны, никогда коммунистическими не бывшие. В странах коммунистического блока антипатия к мигрантам на порядки выше, чем на Западе.

В Венгрии их избивают, а в Австрии радушно встречают десятки тысяч людей. Я своими собственными глазами видел, как на Самосе этих беженцев принимали очень тепло. Греки приносили им еду, воду, детские игрушки, одежду, лекарства. А на мои удивленные расспросы отвечали просто: а как же иначе, ведь мы — христиане. И я вспомнил евангельские слова Христа: «Я был странником, и вы приняли Меня» [Мф. 25,35]. Действительно, как же иначе, если ты христианин? Но, оказывается, иначе — можно.

В Россию никто почти и не едет с Арабского Востока, но все равно о беженцах, даже не к нам, говорят с большой неприязнью. Центральную Европу беженцы проезжают транзитом, стремясь в Германию, Швецию, Англию, но в Венгрии, Словакии, Польше, Латвии к ним относятся с сильным предубеждением. Это свидетельствует о том, что коммунистическая идеология и за наши 70 лет, и даже за 40 лет в Центральной Европе что-то очень важное сломала в душах людей и сделала нас другими.

Чтобы понять, а как было раньше, я решил обратиться к теме русского беженства, к великому русскому исходу, начавшемуся после 1917 года.

Сейчас действует Конвенция ООН о статусе беженцев, под которую подпадают и сирийцы. Эта конвенция была принята ООН в Женеве 28 июля 1951 года. А протокол ООН, касающийся статуса беженца, — в 1966 году. В соответствии с этими документами мир относится к беженцам. Советский Союз к конвенции не присоединился, протокол 1966 года не подписал по принципиальным соображениям. Коммунистические вожди полагали, что беженцев из СССР быть

> «В консульства РСФСР явились очень немногие. На июль 1922 года 1 миллион 160 тысяч русских, по данным Лиги Наций, были апатридами»

проблема беженства как международная проблема была обсуждена и решена именно в связи с великим русским исходом. Великий русский исход эпохи революции заставил мир задуматься о том, как быть с беженцами.

В XIX веке отношение Европы к мигрантам было достаточно доброжелательным — не хватало рабочих рук, шла борьба между трудом и капиталом, и практически повсюду в Европе въехать в страну и зарегистрироваться можно было очень просто. Но, естественно, никаких социальных гарантий такой въезд и регистрация не давали. Они обеспечивали здоровую конкуренцию с местным населением на рынке труда, а трейдюнионы к концу XIX века все больше и больше требовали прав для рабочих. Разбавление рынка труда приезжими было выгодно.

В Великобритании, например, до 1905 года вообще не было никаких ограничений на въезд неграждан на постоянное жительство. Только в конце 1905 года был принят первый закон — «Акт о чужестранцах» (Aliens Act), который вошел в действие с 1 января 1906 года и ограничивал возможности для въезда в Великобританию иностранцев на постоянное жительство.

«Акт о чужестранцах» во многом был вызван Россией. И даже не столько Россией, сколько русскими евреями. Дело в том, что примерно с начала 1890-х годов поток русских и, в намного меньших количествах, румынских евреев хлынул в Европу и Северную Америку. С 1890 по 1905 год выехало на Запад более миллиона евреев. Точной статистики нет. Для сравнительно небольшого народа (в России проживало в 1897 году 5,3 млн евреев) это колоссальная величина. За 15 лет из России выехало примерно 20 процентов еврейства. 100—120 тысяч из них обосновались на Британских островах.

Вот тогда в Англии, да и по всей Европе поднимается волна антисемитизма с очень неприятными высказываниями в адрес приехавших из России евреев, и вообще волна ксенофобии, и вводятся законы, ограничивающие миграцию. Строгость этих законов еще более возрастает в 1914 году, накануне и в начале Первой мировой войны.

Ненависть к другому, к чужаку, приезжему, скорее всего, подлила немало масла в огонь войны. Но война, ее неисчислимые жертвы и потоки беженцев и пленных многих отрезвили. Простые люди вообще, а не из газет увидели иных, и они, как оказалось, так же любят и так же страдают, так же умирают и так же жаждут выжить. Отношение к беженцам стало меняться. Во время войны вовсю заработали филантропические организации, невероятно активен стал Международный комитет Красного Креста, созданный в 1863 году.

Именно Красный Крест организовал во время войны Международную комиссию по помощи беженцам и военнопленным, работавшую очень эффективно, спасшую множество жизней и уменьшившую страдания миллионов людей. Российское общество Красного Креста (РОКК) работало вместе с Международным комитетом. 4 января 1918 года большевики запретили деятельность РОККа и присвоили его имущество.

В конце Первой мировой войны начался и великий русский исход. Масштаб этого исхода мы можем себе представить по некоторым цифрам. Американский Красный Крест называет на 1 ноября 1920 года число выехавших из России — 1 миллион 194 тысячи человек, Лига Наций в августе 1921 года — 1 миллион 400 тысяч человек. Это была вся Россия, потому что от революции уходили не только высшие сословия, но и рабочие, крестьяне, казаки. Пропорции между сословиями были, однако, не те, что в России. В значительной степени беженцами были люди образованные, люди культурной и политической элиты. Знаменитый юрист Борис Нольде в первом номере уже эмигрантских «Последних новостей» за 1 апреля 1920 года писал: «Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшаяся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа, но все те, в руках которых было сосредоточено руководство страны».

И действительно, если мы посмотрим, то одних премьер-министров было четверо. Два дореволюционных — Коковцов и Трепов, и два Временного правительства — князь Георгий Львов и Александр Керенский. Три главы белых правительств: Врангель, Деникин и Дитерихс. Десятки, если не сотни, депутатов Государственной думы, Государственного совета, Учредительного собрания. Огромное число земских и городских служащих, ну и, конечно, интеллектуалов. Знаменитый «философский пароход», отчаливший от Английской набережной Петрограда осенью 1922 года, стал «царским подарком» Ленина миру и еще одним актом опустошения большевиками России.

Волны эмиграции потекли от революции почти сразу, в конце 1917—1918 годов, еще когда шла Первая мировая война, и особенно усилились после капитуляции Германии. Еще до краха Белого движения, еще когда продолжалась и даже успешно велась борьба белых армий, уже тогда поток эмигрантов шел из России, потому что на территориях, которые занимали большевики, жить становилось совершенно невыносимо.

Люди уходили, спасаясь от ненавистной новой власти. От власти, которая перечеркивала все нравственные основания жизни и не давала возможности творить и действовать. Все эти люди ждали краха большевизма и пытались ему в меру сил содействовать. Было не столько желание уйти из России, сколько, собрав силы в изгнании, до последнего сопротивляться большевизму. Но такая позиция русских беженцев ставила юридическую проблему. Кто эти люди? С точки зрения международного права — кто они? Граждане страны, которой уже нет? Или граждане страны, которая еще может быть, если белые победят?

Пока шла Гражданская война на юге и вообще в европейской части России, то есть до конца 1920 года, международное сообщество склонялось к тому, что они граждане России: их защищали старые русские консульства, они пользовались русскими паспортами. Они были гражданами *той* России. Правительство Врангеля де-факто признала Франция. Русские граждане были иностранцами, за спиной которых еще была их родина. Их в Европе было уже полмиллиона к лету 1920 года, особенно после мартовской Новороссийской катастрофы армии генерала Деникина, их уже материально поддерживали многие международные организации, но все же за их спиной была Россия, пусть и сжавшаяся до размеров Таврической губернии.

Но вот в ноябре 1920 года Врангель покинул Крым, 130—140 тысяч человек ушли вместе с ним. Половина — это были гражданские лица, половина — военные, значительная часть из них — раненые офицеры и солдаты. Всё. Большевицкая Россия есть. Другой России больше нет. Да, на Дальнем Востоке еще шла борьба, но к ней уже никто в мире серьезно не относился. Конец небольшевицкой России был предрешен.

Как относиться к людям, которые больше не имеют гражданства? Потому что нет той России, гражданами которой они были. А гражданами советской России они быть не хотят. Как быть с этими людьми? А их миллион с лишним.

Константин Николаевич Гулькевич, посланник России в Швеции, 22 марта 1920 года в одном из писем отмечал: «Многим кажется прямо не по силам ходить в будущее российское (т. е. советское) консульство, получать там удостоверение о личности, помощь и защиту, необходимые в известных случаях. В прежнее время положение эмигрантов было легче, в Западной Европе не требовали паспортов. При условии добропорядочного поведения беспрепятственно разрешали проживать в любой стране. Что делать ныне, когда виды [на жительство], опросные листы и т. п. ежеминутно требуют оправдательных документов».

Эмигранты могли бы перейти в иностранное подданство, «но многим, — по словам Гулькевича, — это было бы непреодолимо тяжело». Становиться советскими гражданами русские беженцы также категорически не желали. Они желали оставаться русскими гражданами, пусть и без России. Они были убеждены в том, что они и есть Россия, а советское государство — это преступное сообщество, захватившее родину. В отношении определений были колебания, были споры, но главенствовало то чувство, которое ясно выразил Дмитрий Мережковский в 1926 году: «*Что такое эмиграция?*.. Только ли путь с родины, изгнание? Нет, и возвращение, путь на родину. Наша эмиграция — наш путь в Россию. *Emigrare* значит «выселяться». Слово это для нас неточно. Мы не выселенцы, а переселенцы из бывшей России в будущую».

Бежав от большевиков, потерпев поражение в вооруженной борьбе, русские беженцы все равно «жили на чемоданах», жили Россией и готовились вернуться в нее, как только падет большевицкий режим.

Русские послы в Европе, учитывая эти настроения, склонялись к тому решению, что необходимо создать международный представительный центр «безземельной бывшей России», который оказывал бы им помощь, ведал их делами. Речь шла не столько о материальной помощи, хотя и о ней тоже, сколько о помощи международно-правовой. Ведь отказавшись от гражданства советского государства, русские эмигранты оказывались совершенно бесправными апатридами — людьми без гражданства.

Сами вчерашние полномочные послы России по мере признания РСФСР странами их аккредитации становились частными лицами, правда, распоряжающимися сравнительно крупными денежными средствами былой России, размещенными за границей, которые они умело укрывали от большевиков и направляли на помощь русским беженцам. Замечу в скобках, что из этих многомиллионных сумм ничего не было «приватизировано», несмотря на отсутствие государственного контроля. Все шло на «общее дело» поддержки эмигрантов и борьбы за Россию.

Ответило на эти настроения и советское правительство. Декретом ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 года все лица, покинувшие Россию без разрешения советской власти после 7 ноября 1917 года или ведшие вооруженную борьбу против советской власти, лишались гражданства. Те, кто находился за границей до 7 ноября 1917 года, могли подтвердить свое гражданство до 1 июня 1922 года в советских консульствах. Если они не сделают этого, то и они потеряют право на советское гражданство. В консульства РСФСР до указанного срока явились очень немногие. На июль 1922 года 1 миллион 160 тысяч русских, по данным Лиги Наций, были апатридами.

И мир не остался равнодушен к этим людям. Не назвал их грязными, вонючими, опасными для соседства, чуждыми по языку, вере и культуре народам Европы, США, Китая. Не сказал: возвращайтесь в Россию и воюйте с большевиками, если они вам не нравятся. Вы нам чужие, и у нас свои проблемы.

А проблем ведь действительно в мире тогда было немало. Не забудем, что только что кончилась Первая мировая война. Огромная часть Европы была дотла разорена, перекопана снарядами, бомбами за 52 месяца кошмарной бойни. Миллионы людей были убиты, еще больше — искалечены, стали инвалидами — слепые, безногие, безрукие, отравленные газами, которые не могли работать и нуждались в пособиях. И какое государство откажет в пособии своему солдату-инвалиду? В разоренной голодной Европе, даже в Англии были голодные забастовки и бунты, тем более во Франции. А уж что говорить про только что поверженные Германию и Австрию.

Люди голодали люто. Заводы стояли или разрушенные, или ненужные — такое количество вооружения больше было никому не нужно, а проигравшим войну его производить и просто запрещено. Вчерашние солдаты и офицеры, даже здоровые, не могли найти работу, которая прокормит их и их семьи. По всей Европе правительства были озабочены, как накормить свое население, как найти работу для своих вернувшихся с фронтов воинов. Как обеспечить изувеченных людей медицинской и социальной помощью, как платить пенсии женщинам, которые потеряли мужей или сыновей, как платить пенсии несовершеннолетним детям, у которых погибли отцы.

И в этой ситуации миллион сто тысяч беженцев из другой страны, в значительной степени не владеющие национальным языком, потому что простые люди, казаки, крестьяне говорили, понятно, только на своем русском языке. Масса людей без квалификации, потому что четверть всех эмигрантов, примерно 250 тысяч — это бывшие военные, и большинство из них никакого, кроме военного, образования не имели. А еще множество молодежи — недоучившиеся гимназисты или студенты, которые пошли в Белое движение и остались без законченного образования. Что делать с этими людьми? Как их трудоустроить, если проходит демобилизация собственных многомиллионных армий? И на всех своих работы нет.

Сначала мир колеблется, Европа колеблется. Отношение в политическом мире Европы к русским беженцам было двоякое, даже троякое. Были люди, и их было немало, которые видели, что страдают люди, и полагали, что им надо помочь.

12 марта 1919 года в пражской газете «Народные листы» (Národní listy) было опубликовано обращение ряда видных деятелей Чехословакии, среди которых и премьер-министр первого чехословацкого правительства Карел Крамарж. Я напомню, что Чехословакия только что возникла в ноябре 1918 года. Чехословакию не бомбили, на ее землях не шли военные действия, но экономика Чехословакии разорена, потому что она выпала из системы Австро-Венгерского государства, разорвались экономические связи, а сколько погибло во время войны повсюду чехов и словаков!

И тем не менее вот это обращение: «Сердце нам разрывают известия о бедствиях русских людей, которые должны идти в изгнание. Со святым энтузиазмом, с жертвенной любовью к Славянству шли они на войну, шли, чтобы освободить братскую Сербию. Миллионы жизней положили они за свободу народов славянских и народа нашего, и вот теперь они умирают, мучимые палачами чрезвычаек, тифом, голодом, а те, которым удалось бежать, без средств к жизни обречены скитаться в чужих землях, если только не примут их братские народы славянские и не отогреют их сердечной своей благодарностью от их ледяного отчаяния... Поэтому мы обращаемся ко всем добрым людям, оставшимся верным нашим славянским традициям: не забудьте, помогите бедным беженцам! Помогите быстро и щедро! Дайте с любовью, покажите отчаявшимся женщинам и детям русским, что есть еще в Чехии открытые славянские сердца, оставшиеся верными, ничего не забывшие».

Окончание — в ближайшем номере. Полный текст лекции, прочитанной на кафедре истории «Новой», — на сайте газеты
http://www.novayagazeta.ru/tv/studio/70402.html

Страна, уничтоженная революцией, сохранила себя на Западе

РИА Новости

> «Становиться советскими гражданами русские беженцы также категорически не желали. Они желали оставаться русскими гражданами, пусть и без России»

Торпеда Судного дня

Что такое «Статус-6» и зачем информация о супероружии «случайно попала в телеэфир»

Кадр Первого канала

Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР
военный обозреватель «Новой»

Президент России, перекладывая листки, читал в Сочи на совещании с генералами текст о важности всеобщего перевооружения и повышения боевой готовности.
Один из начальников вместо того, чтобы, как было раньше принято, делать вид, что жадно слушает и немедленно конспектирует речь, раскрыл большой альбом из плотной глянцевой бумаги размером с настенный календарь и стал рассматривать цветные картинки подводного самоходного и беспилотного аппарата «Статус-6» разработки ОАО ЦКБ МТ «Рубин». Оператор канала Минобороны «Звезда» снял раскрытую страницу через генеральское плечо. Видеоматериал был передан всем основным национальным каналам, а Первый и НТВ вставили картинку в эфир 10 ноября. Через день кремлевский пресс-секретарь Дмитрий Песков подтвердил, что «секретные данные попали в объектив камеры», а затем в эфир, и что «такое больше не повторится». Но рыбка уже уплыла.

Любой теперь может прочесть на размноженной в интернете картинке, что «Статус-6» — это океанская многоцелевая система, предназначенная для «поражения важных объектов экономики противника в районе побережья и нанесения гарантированного неприемлемого ущерба территории страны путем создания зон обширного радиоактивного заражения, непригодных для осуществления в этих зонах военной, хозяйственно-экономической и иной деятельности в течение длительного времени». «Статус-6» — это «самоходный подводный аппарат», похожий внешне на торпеду, но такой громадный, что разработчики предлагают крепить его снаружи корпуса специально переделанного и достроенного нового подводного ядерного крейсера проекта 949 А «Белгород», поскольку внутрь не встраивается. В качестве носителя «Статуса-6» также строится ядерная лодка специального назначения «Хабаровск» проекта 0985, а для обслуживания, эксплуатации и применения системы должны быть еще построены специальные корабли и наземная инфраструктура.

Как работает «Статус-6»

Самоходная суперторпеда, или боевой дрон системы «Статус-6», может идти под водой на глубине до 1 км со скоростью до 95 км/ч на дальность до 10 тыс. км, поскольку на борту — ядерный реактор. Боевая часть изделия — до 100 мегатонн (в 5000 раз мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму). Замысел разработчиков и заказчика состоит в том, что 10 или более подобных «торпед» должны взорваться под водой у Тихоокеанского и Атлантического побережий «противника» (США), а также в Мексиканском заливе. Взрыв огромной мощности должен поднять чудовищное искусственное цунами, которое сможет уничтожить самые густонаселенные и экономически развитые области Америки, убив от 150 до 200 млн человек. Кроме того, запланировано «создание зон обширного радиоактивного заражения», где люди и иные «теплокровные существа не смогут существовать длительное время» — лет сто или много больше. Для этого разработчики, очевидно, добавят к 100-мегатонному ядерному блоку всякую дрянь типа кобальта, чтобы получились «грязные» взрывы, гарантирующие максимальное долговременное радиационное заражение.

Есть ли смысл в уничтожении

Утилитарно-практического смысла у системы «Статус-6» нет: даже при скорости 95 км/ч «торпеда» системы «Статус-6» будет после команды на пуск идти 10 тыс. км, почти 5 суток. При пуске поближе к Америке, за 4—5 тыс. км, все равно пара суток хода выйдет. Оперативная обстановка может скоротечно не раз поменяться, а русская торпеда Судного дня будет слепо пыхтеть под водой, стремясь выполнить бесчеловечное задание, которое, может быть, уже никому и не нужно.

Утверждается, что «Статус-6» без труда проскользнет через боевые порядки американского, британского и прочих флотов, поскольку торпеда-дрон превосходит по глубине и скорости возможности западных АПЛ, а шум двигателя не смогут уверенно идентифицировать сонары. Но современные противолодочные системы используют комбинированные активно/пассивные сонары, а самонаводящиеся торпеды по глубине и скорости уже сегодня не уступают «Статусу-6» или превосходят его. В любом случае доработать имеющиеся у США и союзников противолодочные системы для надежного перехвата и уничтожения «Статуса-6», в том числе с использованием доставляемых по воздуху противолодочных ударных средств, можно сравнительно быстро и недорого.

«Кузькина мать» и «Золотые рыбки» из титана

«Статус-6» вроде планируют принять на вооружение к 2020-му, и стоить это будет не меньше триллиона рублей. Нужно достроить и оснастить уникальные специальные АПЛ. Нужно построить целый флот судов управления и сопровождения. Сами торпеды, судя по характеристикам, нужно делать целиком из титанового сплава. В советское время были такие непомерно дорогие титановые АПЛ — их прозвали во флоте «Золотыми рыбками». Автономный бортовой ядерный реактор — дорогая и капризная игрушка, им трудно управлять и невозможно обслуживать, пока торпеда закреплена снаружи лодки-носителя. Надо еще воссоздать сверхмощный ядерный боезаряд в 100 мегатонн, известный в 50-е как «Кузькина мать», в условиях, когда запрещены натурные испытания. И все это богатство может обломками уйти на дно после попадания копеечной американской или британской самонаводящейся торпеды.

Нелепо пытаться использовать «Статус-6» в качестве альтернативного способа преодоления проектируемой американской ПРО для доставки в США ядерной смерти. Создать реально работающую систему ПРО намного дороже и технически труднее, чем справиться с «Золотой рыбкой» «Статуса-6», которую в принципе можно просто стальным тралом остановить и выудить.

Боевой PR

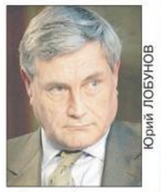
Может, правда в том, что «Статус-6» — чисто бумажный проект, что ничего реально делать никто не собирается, а картинку в телевизоре показали в целях стратегической дезинформации? Снял ее оператор канала Минобороны, потом в эфир передала президентская пресс-служба, и никто ничего не заметил и не отредактировал, а Песков потом сразу честно признал утечку гостайны и обещал исправиться? Кстати, нет никаких сообщений о том, что ФСБ возбудила уголовное дело по факту неправомерного раскрытия гостайны, как в подобном случае вообще-то положено.

В Пентагоне о «Статусе-6» раньше уже знали. Известный военный обозреватель, старший редактор the Washington Free Beacon Билл Гертс (Bill Gertz) в сентябре напечатал материал о «самоходном подводном аппарате», или ядерном дроне, который сможет уничтожать Америку радиоактивным цунами. В Пентагоне систему «Статус-6» условно назвали «Каньон» (Kanyon). Перед публикацией Гертс запрашивал меня, знаю ли я что-либо о «Каньоне». Тогда очень не хотелось верить, что в России кто-то действительно тратит силы и госсредства на столь бессмысленные цели...

Специалисты из ОАО ЦКБ МТ «Рубин» готовы освоить любые госсредства на воплощение в металле «Статуса-6», а военно-политическое руководство страны готово угрожать, именуя это «сдерживанием». Возможно, информацию о «Статусе-6» нарочно слили в прессу, чтобы начать угрожать до того, как система готова к применению. Возможно, это вышло случайно. Но напрасны надежды российских начальников на то, что это придаст им полезный вес и престиж. От морального, экономического и политического в конечном итоге банкротства Россию «Статус-6» не защитит. Разросшийся без меры советский ВПК, его ядерные, химические, биологические и прочие средства массового убийства СССР не спасли — они его погубили...

> Взрыв огромной мощности должен поднять чудовищное искусственное цунами, которое сможет уничтожить самые густонаселенные и экономически развитые области Америки, убив от 150 до 200 млн человек

ЕРА


Юрий ЛОБУНОВ

***Кристофер КОУКЕР**, профессор международных отношений Лондонской школы экономики и политических наук, последние 20 лет пишет о войнах. Технологии, философия сражения, самосознание человека с оружием в руках — Коукер рассматривает войну со всех сторон, вдумчиво и пристрастно. Его прогнозы на ближайшие десятилетия для человечества неутешительны. В октябре вышла новая книга политолога — «Война будущего» — о том, как технологии и политическая реальность последних десятилетий изменили сущность войн, которые мы ведем. Коукер поделился с «Новой» своими наблюдениями и прогнозами о конфликте в Сирии, грядущей мировой войне и роли России в ней.*

«Европа ушла из военного бизнеса»

О новых фронтах мировых войн, грядущем столкновении США и Китая и переделе границ на Ближнем Востоке

— Год назад вы говорили, что мир стоит на пороге глобального конфликта великих держав. Мы приблизились к этому конфликту?

— То, что произошло в Южно-Китайском море, весьма ясно показывает существенный уровень конфронтации между США и Китаем (27 октября американский эсминец Lassen подошел к спорному архипелагу Спратли в Южно-Китайском море, на который претендуют Китай, Вьетнам, Тайвань, Малайзия, Филиппины и Бруней. МИД Китая выразил возмущение по поводу действий США, но американские военные суда продолжают патрулировать регион. Китай пока не готов к войне против Соединенных Штатов, но он будет готов в следующие десять лет.

— Для Китая важно влияние в Юго-Восточной Азии, а США доминируют в Западном мире — на какой почве они столкнутся?

— В последние 300 лет войны великих держав велись за право определять правила, по которым работает система международных отношений. И Китай намерен их определять. Пока что у них нет четкого понимания, чего именно они хотят и как мог бы выглядеть новый мировой порядок в их версии (как и у Владимира Путина, которому текущий порядок не нравится), но это понимание у них появится. Они хотят быть доминирующей мировой державой. И я уверен, что либеральная политическая система, которую до сих пор возглавляют Соединенные Штаты, в будущем поменяется на нечто иное — возможно, это будут изменения к лучшему, возможно — к худшему.

— Рассуждая о войне США и Китая, вы подразумеваете традиционный вооруженный конфликт с использованием живой силы, или речь скорее идет о таких методах, как атаки дронов, кибероружие?

— Кибероружие имеет очень важное значение: оно позволяет действовать анонимно и незаметно. Но киберинфраструктура — это физические объекты, поэтому такая война будет проходить в космосе и на океанском дне. Не так давно американские подводные лодки стали патрулировать подводные кабели, потому что стало ясно, что Россия имеет планы в случае конфликта повредить их. Это обезоружило бы НАТО, потому что вся наша военная система взаимосвязана в киберпространстве. А Китай будет атаковать наши космические спутники ракетами. Американские спутники отвечают за предупреждение о ядерной атаке, но без них у нас также не будет интернета. У России тоже есть космическая программа, но нет денег на ее внедрение. Китай же стремительно догоняет США по вооружениям, особенно это касается космических технологий и кибервооружений. Очень много технологий просто воруются. Очевидно, китайцы уже получили технологии истребителя «Локхид-Мартин» F-35 — это самая дорогая военная техника в американской истории.

— Могут ли американцы отвечать тем же?

— Конституция США запрещает промышленный шпионаж, и Конгресс не даст на него разрешения. Соединенные Штаты могут прослушивать телефоны политиков, но не могут красть технологии. Поэтому когда китайские и американские лидеры встречаются дважды в год, первое, что они обсуждают, — кибер-шпионаж. Не права человека, не госдолг, не свободный курс юаня. И результат этих переговоров до сих пор нулевой. Поэтому американцы начали называть конкретные имена китайцев, которых обвиняют в кибершпионаже (*9 октября, за две недели до очередной встречи Барака Обамы и Си Дзиньпина, в Китае была арестована группа хакеров, обвиняемых в краже данных американских коммерческих фирм и федеральных чиновников.* — **Ред.**).

Прочтите новую книгу Питера Сингера из Брукингского института под названием «Ghost Fleet» — там описано, как в Америке представляют себе будущую войну с Китаем.

— У этого конфликта будут еще стороны? Европа?

> Китай пока не готов к войне против Соединенных Штатов, но он будет готов в следующие десять лет

— Нет, Европа ушла из военного бизнеса, мы больше не способны думать о войне, и у нас нет для нее ресурсов. Если, к примеру, Великобритания решит бомбить ИГ (*террористическая организация, деятельность которой запрещена в России.* — **Ред.**), то у нас для этого есть только пять самолетов. Пять наших самолетов базируются в Литве, чтобы защитить ее от России, остальные защищают от России британское воздушное пространство, потому что ваши бомбардировщики подходят к нашим воздушным границам каждый день, и нужно отводить их. Когда военный бюджет будет в очередной раз пересмотрен, последуют новые сокращения, и мы уже не сможем посылать наши силы в военные экспедиции. А Германия больше не имеет ни военной культуры, ни военного аппетита. За первые девять месяцев бомбардировок ИГ мы использовали меньше бомб, чем Израиль использовал в Газе за месяц несколько лет назад. Израиль относится к войне серьезно, мы — нет.

— Сколько еще может продлиться сирийский конфликт?

— Неопределенно долго. «Исламское государство» (*запрещенная в России группировка.* — **Ред.**) все время меняет фронты. Они открыли новый фронт в Ливии, вероятно, скоро появится еще один в Ливане, они заключили сделку с «Боко харам» (*запрещенная в России исламистская группировка.* — **Ред.**) в Нигерии. Сейчас они борются с «Аль-Каидой» (*деятельность организации запрещена в России.* — **Ред.**) в Афганистане. Вопрос в том, какую тактику они изберут. Если террористы захотят основать государство и удерживать территорию, война станет более конвенциональной, если же они захотят действовать, как кочевники, им нужно будет все время расширяться, ведь в момент, когда кочевники останавливаются, они терпят поражение. До сих пор они продолжали экспансию. Государства стремятся консолидировать территорию и защищать свой суверенитет — это основа любого государства. Мы не знаем, что является основой ИГ. Возможно, нефтяные скважины. Они не способны управлять своими территориями: в их городах, таких как Мосул, то и дело отключаются вода и электричество, там царит административный хаос. Основная причина этого — приезжие джихадисты с Запада, которые привыкли к комфорту первого мира, не хотят жить в третьем и уезжают. Не думаю, что они воюют за идею, — скорее от скуки.

— Вы говорили, что проблемы с управлением городами у ИГ могут быть связаны с тем, что город в принципе считается в арабской традиции чем-то порочным, дурным.

— Даже сейчас в Египте юношей посылают на тренировки за город — они уходят в пустыню, чтобы найти там добродетель и мужество, такая своеобразная инициация. Для нас это звучит странно — отсылать людей в пустыню, чтобы там они обрели себя. Мы городские люди. Они — нет.

— Следует ли ожидать изменений границ на Ближнем Востоке?

— Я не представляю, как можно было бы вновь собрать Сирию воедино. Думаю, Ирак в конце концов распадется на несколько частей. Турция тоже в опасности из-за курдов: это пятая часть населения страны. В будущем мы вряд ли увидим Турцию в прежних границах — она станет меньше, в какой-то момент появится отдельное курдское государство, в основном на нынешней турецкой территории. Еще одна вещь, о которой следует помнить: на Ближнем Востоке из-за изменений климата заканчивается вода. А вода — источник власти. Сана, столица Йемена, — первая столица, которая постепенно пустеет, потому что там больше нет запасов воды. В Абу-Даби сохраняются запасы пресной воды на 48 часов — и только. Населению придется мигрировать в места, где вода есть. В Иране вода на центральном плато испаряется, она просто исчезает, а значит, 20-миллионное население будет вынуждено переместиться из мест своего проживания в другие районы.

Что касается сирийской войны, то она будет такой же масштабной, как битва между либерализмом и коммунизмом в двадцатом веке. Десять лет назад 35% всех убитых в войнах людей были мусульманами. Сейчас — 79%.

Анна БАЙДАКОВА, «Новая»

Дело Ерофеева—Александрова

Обменный курс

Почему пленные россияне поменяли первоначальные показания в ходе суда, и почему они теперь не могут быть выданы России

В Голосеевском районном суде Киева начался процесс по делу россиян Евгения Ерофеева и Александра Александрова. Военная прокуратура Украины называет их военнослужащими Главного разведуправления России (ГРУ) и обвиняет по шести статьям Уголовного кодекса, в том числе в терроризме и ведении агрессивной войны. В Минобороны России заявляют, что капитан Ерофеев и сержант Александров были уволены со службы в армии еще в декабре 2014-го — за пять месяцев до задержания в «ЛНР». Сами россияне говорят, что служили в «народной милиции ЛНР», и отвергают все обвинения украинской прокуратуры. Впрочем, на этапе досудебного следствия и Ерофеев, и Александров заявляли, что находились в «ЛНР» в качестве военнослужащих российской армии с миссией скрытого наблюдения. Капитан Ерофеев от этих показаний на суде отказался, сообщив, что давал их под давлением. Недавно такую же позицию занял и сержант Александров.

В интервью «Новой газете» киевские адвокаты Ерофеева и Александрова рассказали, почему показания их подзащитных на стадии предварительного следствия так отличались от того, что они говорят теперь. Адвокаты настаивают, что в отношении «народных милиционеров ЛНР» должны применяться нормы Женевской конвенции о военнопленных, а власти Украины обязаны гарантировать интернирование обоих россиян в Луганск.

Капитан Евгений Ерофеев (слева) и сержант Александр Александров в Голосеевском суде Киева

РИА Новости

Юрий ГРАБОВСКИЙ, адвокат сержанта Александрова:

«Здесь им может светить даже пожизненное. Ребята понимают это»

— Вас наняли родители сержанта Александрова. Они вас о чем-то попросили?

— Они попросили сделать все, чтобы Саша не пострадал физически ни на территории Украины, ни на территории России, если он будет туда переведен. Никаких гарантий, конечно, я дать им не смог, но пообещал, что сделаю все.

— Знаю, что вы отговаривали родителей от поездки в Киев. Почему?

— Чисто гипотетически их могут взять здесь в заложники и давить на Сашу. Известны методы работы контрразведок наших стран. Самое мягкое, что может произойти, — представьте: приходят родители в зал суда, а на них нападает кто-то из толпы.

— Их безопасный визит и пребывание в Киеве могли бы обеспечить дипломаты, разве нет? Тот же консул Грубый.

— А кто обеспечит их безопасность, когда консула Грубого не будет рядом? Даже я не имею никаких гарантий, что сегодня или завтра не случится какая-либо провокация, что ко мне не залетят маскишоу и не найдут в сейфе килограмм наркотиков или оружие. В любом случае от того, что приедет мама или папа, эффекта для защиты не будет. Надо быть прагматиками, слезы и эмоции нам сейчас не нужны. Если мама захочет приехать и будет настаивать, то это можно попробовать устроить под приговор, но не сейчас.

— Вы считаете, что дело ваших подзащитных — политическое?

— Исключительно политическое. Если бы оно не было таковым, то и не имело бы тогда такой сумасшедшей огласки. Задержали бы <Александрова и Ерофеева> втихаря в Луганской области, там же провели бы расследование, приговорили бы к каким-то срокам, и никто ничего бы не узнал. А сейчас шум на весь мир.

— Но предыдущий адвокат Александрова, Константин Кравчук, называл дело сугубо уголовным: совершены конкретные преступления.

— Никто не оспаривает, что тут есть уголовный момент. Но с самого момента их задержания было принято решение высшим руководством страны выстроить дело Ерофеева—Александрова аналогичным образом, что и дело Савченко в России. Хотели добиться зеркальности в этих двух делах. Сумасшедшие обвинения, которые предъявляются в обоих случаях, нарушение прав, создание информационного фона — я говорю об этом. Сразу после задержания руководители и СБУ, и государства придали делу определенное направление, заявив, что двое наших подзащитных являются бойцами российской армии, совершившими акт военной агрессии в отношении Украины. Естественно, в таком случае ни у следствия, ни у прокуратуры иного мнения на счет статуса задержанных быть не может.

— А что сами думаете по поводу их статуса?

— Скажу, что надо верить только документам. У стороны обвинения нет никаких доказательств (они их не предъявили), из которых бы вытекало, что указанные лица — военнослужащие РФ. К таким документам может относиться приказ о зачислении в штат или в резерв, военные билеты и зарплатные ведомости. Ничего этого у следователей по нашему делу нет. Что должны были сделать в случае реального задержания военнослужащего РФ наши контрразведчики? Вызвать военного атташе посольства России. Я не помню, чтобы такое было. Был лишь только консул. То есть мы видим, что даже на момент задержания никто из официальных представителей Украины не произвел в отношении россиян необходимых по закону действий. В сухом остатке обвинение имеет только лишь первичные показания Ерофеева и Александрова, записанные на камеру людьми из СБУ с грубейшими процессуальными нарушениями в отсутствие адвокатов и консула.

— Вы говорили, что к Ерофееву и Александрову могут применяться нормы Женевской конвенции о военнопленных. Что это значит?

— Это значит, что они должны быть интернированы по месту своей службы, то есть в Луганск. Даже будучи сотрудниками народной милиции «ЛНР», они попадают под действие конвенции, где четко описаны признаки, в том числе и нашего случая, — пленение бойцов непризнанных образований, соответствующих вооруженным силам. А у нас есть документы, где указано, что оба бойца были приняты в ряды народной милиции «ЛНР». И мы свою защиту строим именно на этих документах.

— Ерофеева и Александрова на первых этапах следствия обвиняли в убийстве. Что с этим?

— Статьи по убийству как таковому, это видно из обвинительного акта, нам вообще не вменяют. У нас есть «содействие в террористической деятельности». Содействовали они, судя по акту, «боевикам ЛНР». И здесь у меня появляется много вопросов: каким боевикам? Кто является потерпевшими? И почему потерпевшие в нашем деле получили ранения осколками от минометного снаряда, тогда как у наших подзащитных изъяли винторезы?

— Юрий, я спрашиваю вас об убийстве Пугачева[1]. Его убили, если не ошибаюсь, как раз из винтовки.

— Да, но гособвинитель Климович сказал на процессе такую фразу: «Мы не нашли винтовки, из которой был убит Пугачев, и поэтому обвиняемые, если окажутся на свободе, могут уничтожить следы преступления и улики». Замечательная фраза для прокурора, готовящего обвинительный акт. То есть орудия убийства в деле нет. Есть труп, есть много винтовок, но, как мне сказали на досудебном расследовании, «сука, ни одна не подходит». Так кто тогда стрелял и где оружие? Ведь Пугачева убили не из тех винтовок, которые были в момент задержания у наших подзащитных.

— Правду говорят, что Ерофеев и Александров, отказавшись от первоначальных показаний и объявив себя милиционерами «ЛНР», минимизировали риски своего преследования со стороны властей России — на случай если вскоре будет обмен?

— Ну мне сложно, как вы понимаете, здесь что-то комментировать. Скажу только, что в любом случае сроки по вменяемым им в Украине статьям в принципе не предполагают скорого возвращения на родину. Здесь им может светить даже пожизненное. Ребята понимают это. Но суд, я думаю, не пойдет на пожизненное.

— Почему?

— Пожизненное — это слишком много и никому не нужно. Политическая задача Украины состоит здесь не в наказании этих людей, а в том, чтобы продемонстрировать миру факт военной агрессии России. Ну и надо, конечно, показать, что Украина при всем этом остается гуманной, умной и порядочной страной. Поэтому следствие всю дорогу и доказывает не вину наших подзащитных в конкретных преступлениях, а участие России в войне против Украины.

[1] *Военнослужащий украинской армии, погибший во время задержания Александрова и Ерофеева.*

Оксана СОКОЛОВСКАЯ, адвокат Евгения Ерофеева:

«Я не оправдываю Женю с точки зрения морали»

— Вы общаетесь с родственниками капитана?

— Ни разу не общалась ни с мамой, ни с папой. Имела разговор только с его женой Юлией. Мы встречались в Москве, она приехала туда специально из Тольятти. Юля готова общаться только со мной и лишь в аспекте защиты ее мужа. Через консула передавала несколько раз письма и фотографии ребенка.

— Расскажите, на чем вы строите защиту Ерофеева.

— Мы не будем афишировать свою позицию, чтобы не давать фору обвинению. Все наши доводы будут представлены в рамках судебного процесса, но я скажу, что Ерофеев давал свои показания на стадии досудебного следствия под давлением СБУ. Капитан был ранен, его здоровье зависело от того, что и как он будет говорить. И все показания, которые он дал, были согласованы заранее с представителями СБУ. Впоследствии даже я, как его защитник, говорила ему перед допросами, чтобы он пользовался 63-й статьей конституции Украины, гарантирующей право не свидетельствовать против себя. А он не пользовался и все равно давал показания.

> «И Ерофееву, и Александрову был обещан обмен еще до начала суда. Но для этого, как попросили следователи, подозреваемые должны были говорить определенные вещи о своей службе в рядах армии РФ. Сейчас мы понимаем, что их, мягко говоря, обманули»

— Почему?

— Ну потому, что у него на тот момент были договоренности с СБУ. Я не участвовала в этих переговорах и сомневалась в их целесообразности, но Евгений, видимо, тогда считал иначе. И ему, и Александрову был обещан обмен еще до начала суда. Но для этого, как попросили следователи, подозреваемые должны были говорить определенные вещи <о своей службе в рядах армии РФ>. Сейчас, конечно, мы понимаем, что их, мягко говоря, обманули. Дело передали военной прокуратуре, которая тут же, используя их показания, заявила о новых подозрениях — еще по пяти статьям кроме терроризма. А все договоренности остались на уровне невыполненных обещаний. Может быть, он и вас обманул, посчитал это нужным. И я же вам говорю, может быть, тогда у него были такая позиция и определенные надежды. Но факт остается фактом: у меня имеются доказательства, что Ерофеев являлся военнослужащим милиции «ЛНР», и он сам это подтверждает. Есть документы Минобороны России, где сказано, что он был уволен со службы в декабре 2014 года. При этом документов, свидетельствующих, что он до сих пор является военнослужащим РФ, ни у кого нет. Мы это слышим только от следствия, но никакими подтверждениями они не обладают. ...Вменять ведение агрессивной войны обычному капитану разведывательной группы — ну это как минимум глупо. Тем более когда у нас нет объявленной войны.

— В таком случае они будут признаны террористами, разве не так?

— Я не оправдываю Женю с точки зрения морали, но я считаю: если человек был пленен украинскими военнослужащими на не подконтрольной Украине территории, то к нему должны применяться нормы международного права. О каком терроризме здесь речь?

— Сегодня еще остаются какие-то шансы на обмен?

— Они есть, конечно, но в нашем случае сторонами обмена могут быть Украина и «ЛНР». То есть обмен Ерофеева и Александрова возможен на тех лиц, которых удерживают сепаратисты. И я не уверена, что речь может идти о военнослужащих Украины, которые содержатся на территории России.

— Вы не следите за процессом по Савченко?

— Не всегда успеваю, но могу сказать, что по количеству нарушений наши суды не просто похожи друг на друга, они как близнецы. Просто наши органы следствия и ваши — из одной школы.

— В СБУ вас называют агентом ФСБ.

— Это бред. Право на защиту имеет каждый, это принцип моей работы. А то, что про меня рассказывают в СБУ, — ну пусть говорят. Это свидетельствует только о вмешательстве в мою адвокатскую деятельность. Откуда они могут знать, агент я или нет? У нас в Украине есть закон об адвокатской тайне: меня не имеют право ни прослушивать, ни прогляды-вать... Но при этом СБУ уже пятый месяц практически открыто ведет в отношении меня ОРД *(оперативно-разыскная деятельность. — П. К.)*. Нашим спецслужбам надо дискредитировать защиту во что бы то ни стало, это политическая задача.

Павел КАНЫГИН, спец. корр. «Новой», Киев

РАСКЛАДЫ

«Капучино со вкусом пепла»

Кафе с дансингом и караоке рядом с местом трагедии как шанс потерять голоса

В понедельник, когда выйдет номер, Киев будет знать, кто по итогам второго тура выборов стал мэром столицы: снова Виталий Кличко или Борислав Береза.

Оба находились по одну сторону баррикад во время Майдана. Боксер Кличко имел мировую известность, а также имидж «нового бойца» в политике, который позволял ему, парламентарию, замахиваться при желании даже на президентскую должность. Береза, в прошлом занимавшийся книготорговлей и телепроектами, только ввязался в драку в роли спикера «Правого сектора» (эта организация запрещена в России).

Два года спустя киевский «голова» Кличко и депутат Рады, родоначальник молодой партии «Решительные граждане» Береза вышли в лидеры выборной гонки за кресло мэра. Хотя разрыв между ними после первого тура, в котором участвовало 29 кандидатов, выглядел почти непреодолимым — 40,5% против 8,84% — картину могли изменить голоса не столько «за Березу», сколько «против Кличко». Да и сами соперники давно не чувствовали себя побратимами. Кличко по-прежнему состоял в альянсе с Петром Порошенко. Береза был ближе к команде «днепропетровских».

Волю граждан с бюллетенями способен был качнуть любой скандал, задевший болевую точку, тем более накануне дня голосования. И скандал грянул.

Телеканал «1+1» показал сюжет: в сгоревшем Доме профсоюзов на Майдане открывается увеселительное заведение L'KAFA CAFE — с дансингом и караоке. Торговая сеть уже «прославилась» минувшей весной тем, что ее менеджеры не позволили киевлянину-добровольцу в военной форме войти в зал: «Здесь люди отдыхают. А посмотрят на вас и настроение себе испортят!» Владельцем L'KAFA CAFE является выходец из Сирии, украинский бизнесмен Усама Эль Кафа, однако СМИ связывают его бизнес с российским капиталом. Теперь же, следовало из репортажа, администрация заведения и руководство Киевского городского совета профсоюзов, которое отдало ресторатором в аренду часть своих площадей, собирались устраивать «пляски на костях» и подавать посетителям «капучино со вкусом пепла»...

Строго говоря, в репортаже была натяжка. Здание Федерации профсоюзов Украины и помещение Киевсовета профсоюзов находятся рядом, что называется — встык, но имеют разные юридические адреса. Непосредственно на этажах, принадлежащих городским профсоюзам, не размещались майдановские «сотни», там никто не сгорел. Гибли рядом, на баррикаде, начинавшейся буквально возле двери... Но можно ли петь под караоке рядом с местом недавней трагедии?

Пешая прогулка от здания Рады к Майдану много времени не занимает. Путь от госгорадминистрации на Крещатике к Дому профсоюзов — еще ближе. Почему никто из депутатов и местного руководства до сих пор не поинтересовался, что именно скрывал строительный забор из профнастила — вопрос риторический. О том, что городские профсоюзные деятели сдали часть «жирных» площадей в аренду коммерсантам, под ресторан, писала несколько месяцев подряд и газета «Вести», считающаяся оппозиционной нынешней власти. Зато сейчас L'KAFA CAFE бросилось в глаза сразу всем.

В перерыве между заседаниями к ресторану, уже сиявшему вывеской и витринами, прибыл Борислав Береза с группой поддержки в виде коллег-депутатов и общественников-майдановцев. Администрация спряталась. Весь гнев собравшихся приняла на себя девушка, назвавшаяся Ольгой Балабан, начальником юридического департамента столичных профсоюзов. Она утверждала: закон не нарушен. «Ломаем двери да и сожжем «коктейлями» этот бардак!» — бросил кто-то по старой памяти. «Майдан не за самосуд стоял, а за правосудие!» — возразили ему. Тогда просто отодрали рекламные постеры «... национальная и европейская кухня, караоке», на их место клеили листовки от имени «Небесной сотни» — «Вы предали нас!»

Береза распорядился вызвать полицию. Полиция вошла в помещение, проверила документы: действительно, договор аренды в порядке, разрешение городского управления архитектуры в наличии. «Я иду в мэрию, чтобы послушать объяснения Кличко, как с ним договорились коммерсанты!» — объявил депутат. И в сопровождении телекамер отправился на «предвыборные дебаты».

> «После первого тура разрыв выглядел почти непреодолимым — картину могли изменить голоса не столько «за Березу», сколько «против Кличко»

Но Виталия Кличко на месте не оказалось. Тем не менее на странице Кличко в фейсбуке тут же появилась запись: «Кафе не в коммунальной собственности столицы, а принадлежит профсоюзам, поэтому никаких разрешений мэрия не давала». Вместе с тем градоначальник обещал строго спросить с управления архитектуры, а также с профсоюзов: чем руководствовались, когда «продавали по кускам символическое здание, прикрываясь реконструкцией»?

Вечером того же дня рабочие демонтировали вывеску «L'KAFA CAFE», сложив буквы в аккуратные столбики.

Ольга МУСАФИРОВА, соб. корр. «Новой», Киев

Пятая колонна Америки

Дальнобойщики всегда готовы выкатить властям США протестные требования

Автопробегом по коррупции и самоуправству

В октябре 2013 года американские тракеры (так в США называют водителей тяжелых грузовиков) обещали «выключить Америку на 3 дня». Организаторы общенациональной забастовки выдвинули самые радикальные политические требования — импичмент президента Обамы «за преступления и предательство». Забастовщики требовали отказаться от реформы медицинского страхования, отправить в отставку генерального прокурора Эрика Холдера (за слежку за гражданами) и «уволить» с правительственных постов всех мусульман, «не соблюдающих американскую конституцию». И последнее в списке претензий — высокие цены на горючее.

В течение трех дней: с 11 по 13 октября устроители акции призвали 1 миллион водителей грузовиков провести «автопробег в Вашингтон в поддержку конституции». На столичной кольцевой дороге планировалось блокировать конвоями траков по три полосы в каждую сторону, двигаясь со скоростью 55 миль в час, оставив одну полосу только для пожарных машин, «скорой помощи» и полиции.

Особую надежду организаторы протеста возлагали не на профсоюзы, а на 150 тысяч шоферов и работников малых независимых компаний.

Если бы на улицы и проспекты главных городов США действительно выехал миллион большегрузов, то акция вполне могла бы если не парализовать, то чрезвычайно затруднить жизнь всей страны.

По данным Американской ассоциации грузовых автомобилей (ATA), 100% потребительских товаров и 69% от общего тоннажа грузов доставляются на грузовиках. Кроме того, по оценкам экономистов, 80% американских общин получают свои товары исключительно благодаря автотранспорту.

Правительство, работники федеральных агентств, полиция, пресса и жители Вашингтона ждали автопробега с возрастающей тревогой. Но опасения оказались напрасны: у активистов «автопробега» на Вашингтон что-то «не срослось». Организаторы параллельных акций в столице и штате Калифорния начали публично спорить о целях и задачах протеста, профсоюзы не поддержали политические требования отставки Обамы и обещания устроить «грандиозную транспортную пробку», если полиция пойдет на аресты дальнобойщиков. В результате на дороги вышло заметно меньше водителей. Вашингтонская полиция произвела несколько задержаний, но обошлось без пробок.

Тем не менее через два года, прошедших с этой акции, многие требования тракеров были выполнены. Реформа медицинского страхования претерпела значительные изменения. Обама распорядился провести кардинальный пересмотр работы спецслужб, в первую очередь это коснулось сбора сведений о гражданах. Ушел в отставку генпрокурор Холдер. Цены на автогорючее упали. Так это здесь работает. И, можно сказать, тракеры приложили к этому свою руку.

Когда дальнобойщики рулили

В октябре 1973 года, в разгар арабо-израильской войны, Америка оказалась в черном санкционном списке ОПЕК, объявившей эмбарго на поставки нефти в страны, поддержавшие Израиль. В результате цена барреля подскочила в 4 раза. Для США, зависевших от иностранной нефти, это был болезненный удар. Пострадали не только автоперевозчики, пострадала вся страна.

Кроме подскочивших цен на бензин водителей грузовиков возмутило введение общенационального ограничения скорости на дорогах (55 миль в час, примерно 90 км/ч) с целью не столько безопасности, сколько экономии бензина. Эту идею пробил через конгресс президент Ричард Никсон. В декабре 1973-го водители грузовиков провели первую массовую забастовку, едва не сорвав рождественский шопинг для миллионов американцев.

«Американский тракер в среднем получает 200 тысяч рублей — на наши деньги»

В 1976 году основной профсоюз шоферов — Teamers, объединяющий самых разных водителей Америки — от развозчиков молока и почтальонов до шоферов школьных автобусов и тяжелых грузовиков, — провел массовую забастовку, требуя повышения зарплат. «Братству водителей» (так они себя называют) потребовалось для победы всего три дня. По новому контракту с правительством профсоюз в течение трех лет получил индексацию зарплаты для всех его членов — она увеличилась в среднем на 30%.

В 1979 году истек трехлетний контракт, а переговоры о новом трудовом соглашении, начатые при президенте-республиканце Форде и продолженные при демократе Картере, забуксовали. Тогда по призыву лидера профсоюза Франка Фитцсиммонса 300 тысяч водителей и работников складов вышли на забастовку. В ответ многие из 500 компаний, с которыми боролись профсоюзы, объявили локаут. В магазины перестали поступать свежие продукты, на бензоколонки — горючее, американцы замерли в очередях. Перед водителями-дальнобойщиками замаячила угроза потерять работу. В результате локаута профсоюзные лидеры были вынуждены снять или значительно скорректировать требования забастовщиков. Через 9 дней забастовка и локаут были прекращены.

«Золотая пора» дорожных профсоюзов закончилась через год. В 1980-м была завершена реформа отрасли, и как грибы после дождя по всей стране выросли новые независимые компании.

По данным налоговой службы, в течение 10 лет с момента дерегуляции треть из 100 крупных фирм, осуществлявших грузовые перевозки, разорилась, а стоимость доставки товаров на треках из-за резко возросшей конкуренции упала. Компаниям давно было невыгодно работать с профсоюзами (членам профсоюзов работодатели были обязаны платить на 35% больше). Теперь появилась альтернатива, и новые корпорации стали нанимать тракеров, не входящих в профсоюзы, — так называемых независимых подрядчиков.

Как политическая сила, способная потрясти Америку, дальнобойщики себя, похоже, исчерпали.

Тяжелая работа, которую нужно сделать

В кабинах американских грузовиков есть холодильники и телевизоры, на специальных стоянках организована подача воздуха, чтобы водители могли поддерживать климат-контроль при неработающем двигателе. Помимо подачи воздуха в грузовик есть интернет и даже спутниковое телевидение. Но только в том случае, если компании готовы платить за эти удовольствия. Правда, как правило, они экономят даже на мотелях. Поэтому тракеры спят в своих «домах на колесах».

Правила дальнобоя

При въезде в каждый штат грузовик первым делом должен пройти взвешивание на специальной станции. От веса зависит плата за проезд и сохранность дорожного покрытия. В журналах-рапортичках тракеры обязаны отчитываться о вахтах. Регламент, введенный для водителей грузовиков массой свыше 10 тысяч фунтов (4536 кг) на федеральных автомагистралях, разрешает проводить за рулем не больше 14 часов в сутки. Затем — перерыв, не менее 10 часов. Все очень жестко. Например, сев за руль в 6 часов утра, водитель обязан заглушить мотор в 8 вечера, даже если по пути он останавливался в закусочных и делал другие перерывы на отдых. После 8 вечера шоферу разрешается выполнять любую другую работу, но обратно за баранку он может сесть только спустя 10 часов. Управление грузовиком ограничено 60 часами в неделю. Нарушителям грозит потеря работы, а их работодателям — штрафы и лишение лицензии.

Нерегулярное питание, малоподвижный образ жизни, постоянные разъезды, разлука с семьей... При максимальном комфорте машин и продуманной транспортной инфраструктуре профессия водителя большегруза в Америке остается тяжелой и не входит в число престижных. Средний годовой доход американского дальнобойщика — 39 тысяч долларов. А сезонные водители получают гораздо меньше — 16 тысяч. Поэтому американских тракеров вряд ли причислишь к среднему классу. Мечта таких работяг — вывести в люди детей, прежде всего обеспечив им образование. «Американскую мечту» сегодня осуществить все труднее, и, когда поднимается очередная волна гражданского неповиновения (среди относительно недавних можно вспомнить движение «Оккупируй Уолл-стрит»), дальнобойщики присоединяются к протестному движению. Как показали события октября 2013 года, большинство из них недовольны тем, в каком направлении движется их страна.

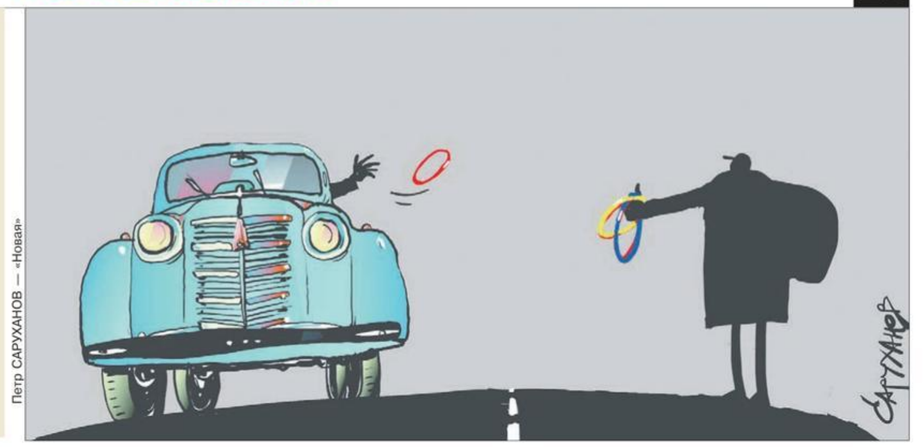
Александр ПАНОВ,
соб. корр. «Новой», Вашингтон

А В ЭТО ВРЕМЯ В РОССИИ

Всероссийская акция дальнобойщиков, направленная против введения платы за проезд по федеральным трассам тяжелых грузовиков, вызвала реакцию не только в социальных сетях и медиа, но и в Кремле. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заявил, что «этот вопрос держится в поле внимания соответствующих ведомств, Минтранса. И собственно Минтранс прилагает все усилия, чтобы найти необходимые компромиссы, проявляет максимальную гибкость. Конечно, гибкость должна в данном случае демонстрироваться всеми».

В субботу в Тольятти неизвестные сожгли офис компании «РТ-Инвест Транспортные системы», оператора системы «Платон», к которой обязаны подключаться дальнобойщики для осуществления платы за проезд.

Сервис BlaBlaCar предлагает найти через интернет проверенного попутчика для междугородной поездки, который оплатит вам бензин, или «вписаться» в чужой автомобиль. Его используют больше 20 миллионов человек в 19 странах, в том числе уже почти два года в России. В нашей стране услуги сервиса оказались особенно востребованными: часто других способов добраться из одного города в другой просто не существует. Создатель BlaBlaCar, француз Фредерик Мазелла и руководитель проекта в России и на Украине Алексей Лазоренко рассказали, как они превратили езду автостопом в общественный институт.



Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Поехали! Вместе

Сервис BlaBlaCar объединяет людей в офлайне — в одной машине

— Для тех, кто никогда о вас не слышал, объясните, чем, собственно, занимается ваш сервис?

Фредерик: Все, что мы делаем, — просто заполняем свободные места в машинах. Я высчитывал — во Франции содержание машины стоит 5–6 тысяч евро в год. Бензин, ТО, страховка, платные дороги, разница между ценой покупки новой и ценой продажи старой машины. Во Франции 38 миллионов машин. 38 миллионов раз по 6 тысяч! Это 10% ВВП нашей страны. Смотрите (указывает за окно на запруженную машинами Большую Якиманку), все эти автомобили пустые, по одному человеку в каждой. Машины проводят 96% времени на парковке. Минус пробки, минус поиск этой парковки — итого 2,7% своей жизни машина непосредственно ездит. И это стоит нам 10% ВВП! Впервые в истории у нас есть идея, которая помогает всем — и водителям, и людям без машин — оптимизировать эти траты. Это совместное потребление.

У нас с Алексеем похожие истории, как эта идея пришла нам в голову. Я вел машину по хайвею в таком месте, где дорога идет параллельно с железнодорожными путями. И поезд, который шел рядом, был полон. То есть все эти люди заплатили по 100–150 евро, чтобы попасть в набитый поезд, хотя вот же, пустые машины едут рядом! Я просто увидел ресурс, который тратится впустую. А где пустая трата, там возможность.

Алексей: Когда стоишь в пробке и видишь, что в каждой машине сидит по одному человеку, а целая толпа людей ждет автобуса под дождем, понимаешь: что-то не так. В моей машине 140 лошадиных сил, четыре сиденья — только для одного меня. Мне стало ясно, что я не очень умно использую своих лошадей. Я стал искать в интернете способы поделиться поездкой. Оказалось, что их нет. Пришлось самим придумывать решение, так появился проект «Подорожники» *(который позже слился с BlaBlaCar. — Н.З.)*.

Мне кажется, при текущей модели потребления мы рано или поздно столкнемся с глобальными проблемами. Нужно учиться потреблять более разумно. У меня есть любимый пример с дрелью. На протяжении всего срока службы дрель крутит сверлом всего 13 минут — а сколько пластмассы, металла, человеко-часов было затрачено, чтобы ее произвести! Это нерационально. Экономика совместного потребления устраняет эту нерациональность. BlaBlaCar — флагман этого движения в области транспорта, он учит людей потреблять разумнее.

— Вы, AirBnB, CouchSerfing и подобные сервисы, помогающие путешественникам находить друг друга, вместе строите новое общество?

Фредерик: Про новое общество пока рано говорить. Но да, мы создаем способ, с помощью которого человеку легко поделиться своей машиной, а заодно повстречать новых людей. По-умному используя интернет, мы сводим людей вместе. Интернет меняет поведение людей: теперь ответ на вопрос не нужно искать в книгах — его можно найти в поисковике за 10 секунд.

— Говорят, что интернет делает людей одинокими, мы все сидим, уткнувшись в смартфоны, и боимся поднять глаза друг на друга…

Фредерик: Мы доказываем обратное. Благодаря интернету, люди объединяются в офлайне, в одной машине.

— Откуда такой быстрый рост числа пользователей в России?

Фредерик: Похоже, некоторые ваши города вообще не связаны маршрутами поездов и другого транспорта. BlaBlaCar соединяет эти города. В России среднее расстояние переезда — 340 км, а в Европе меньше трехсот. Это, пожалуй, единственное принципиальное отличие.

Алексей: Ну да, если тебе нужно из одного маленького города в другой, с BlaBlaCar не придется ехать через Москву, как происходит с поездами. И еще, людям важно экономить — особенно сейчас. Выигрывает и водитель (получается сэкономить до 90% расходов на бензин), и пассажир.

Одни только автобусы и поезда не покрывают потребностей в междугородних поездках. По сравнению с Европой их интенсивность в России низкая: 75% всех поездок между городами в России совершаются именно на машине. Мы поняли, что это огромный потенциал, который пока не использовался эффективно.

— Кто эти люди, которые решаются на райдшеринг (совместную поездку)?

«Приложение оказалось особенно нужным в России, на карте которой много точек, не связанных между собой ни автобусом, ни поездом»

Фредерик Мазелла и Алексей Лазоренко

Фредерик: Когда мы начинаем работать в новой стране, сначала сервис осваивает молодежь. Средний возраст нашего российского пользователя — 27 лет. Но если посмотреть на страны, где сервис существует долго, например Францию, то в конце концов в сообщество попутчиков включаются все возраста. Половина тамошних пользователей — люди за 30. В перспективе наша целевая аудитория — вообще все. Всем же иногда нужно переезжать на расстояния в несколько сот километров. Но для использования нашего сервиса нужно уверенно себя чувствовать с компьютером или смартфоном — молодежь к этому привыкла. А когда родители видят, как дети легко и дешево путешествуют, начинают спрашивать: «Как ты туда съездил? А научи меня!»

Алексей: В моей семье так и было. Моя мама теперь часто ездит в гости к бабушке как пассажир BlaBlaCar, а отец ездит как водитель. В общем, мои усилия и объяснения возымели успех.

— А вы сами до сих пор им пользуетесь?

Фредерик: Да, регулярно. Моя семья живет в 500 километрах от Парижа, так что когда я еду к ним на выходные, я пользуюсь BlaBlaCar. Да, иногда еду на своей машине, но обычно я пассажир.

— И водители не догадываются, кто вы?

Фредерик: Последние два раза меня раскрыли. С одним водителем мы разговаривали о его бизнесе, и вдруг он говорит: «А я знаю, кто вы». «Откуда?» «На BlaBlaCar не так много людей, которые зарегистрировались в 2006-м». Это год нашего основания. Второй оказался журналистом, он узнал меня в лицо. Еще был водитель, который мне не поверил. Я люблю говорить о райдшеринге — иногда в машине люди просят сменить тему после моего получасового монолога. Я тогда объясняю — понимаете, это важно для меня, я ведь этот сервис и придумал. Обычно люди радовались, говорили спасибо. Но когда сервис разрастается, получает известность, почему-то становится трудно поверить, что его придумали обычные люди. И этот водитель говорит: «Ага, конечно, а я папа римский».

— Не было случаев, когда водитель нападал на пассажира? Или окажется, что водитель, к которому ты сел в машину, едет без прав…

Фредерик: Требования для пользования нашим сервисом способствуют доверию. Когда выбираешь поездку на сайте, видишь фото водителя, его рейтинг, и знаешь, что мы проверили его телефон и электронную почту. В странах, где уже есть возможность бронирования мест в машине, мы и банковские аккаунты проверяем. Так что это в разы безопаснее, чем любой «бомбила» или пассажир с улицы. В первые годы были неприятные случаи, но тогда у нас было меньше способов верифицировать пользователей.

— Когда вы начнете брать с водителей комиссию в России?

Алексей: Сначала опробуем режим бронирования — с 16 ноября он заработает на маршруте Екатеринбург — Челябинск. Вы сможете не просто связаться с водителем, а забронировать место в машине и увидеть профили остальных пассажиров. Может быть, в конце 2016 года введем монетизацию по всей стране — так сервис сейчас работает в Европе.

Фредерик: Система бронирования приносит пользователям уверенность, что водитель не отменит поездку, что пассажир будет на месте встречи. По телефону легко сказать: «Ага, я приеду» и не приехать. Система решает сразу две проблемы: делает пользователей ответственнее друг перед другом и позволяет финансировать сервис. Пока мы не берем комиссию в стране, работа в ней не просто не приносит дохода, она стоит нам денег. В Европе комиссия — 12%, скорее всего, в России будет столько же.

— Но когда люди сначала получают что-то бесплатно, а потом вдруг оказываются должны за это же платить, они могут уйти в отказ.

Фредерик: В странах, где мы вводили эту систему, мы видели, что люди признают ее ценность: лучше заплатить комиссию, но знать, что поездка не сорвется. Без этой уверенности мы не можем вовлекать поколение за 40 или за 50: это молодой человек скорее рассмеется, если у него сорвутся планы, а в 40 тебе уже нужна система, на которую можно положиться. Так что, в конце концов, мы считаем, что от системы предоплаты все выигрывают.

Наталия ЗОТОВА, «Новая»

Валерий ВАСИЛЕВСКИЙ

Дарья МОРОЗОВА
Учитель, Соловецкие острова

Сад соловецкий

Валерий ВАСИЛЕВСКИЙ

Одно из таких важных дел, неразрывно связанное для меня с образом сада, — это общение с детьми. Взрослые, закоренелые соловчане часто говорят, что «Соловки уже не те» (что в 80—90-е), что поселок безнадежен и дальше будет только хуже. Когда я смотрю на детей, то понимаю, что Соловки не могут быть «те» или «не те». Дети помогают это понять и постоянно напоминают об этом.

Я сама росла здесь. Мне одинаково интересно было и гулять в одиночестве, и играть в воображаемые миры с друзьями, и ходить куда-то на занятия. В восьмом классе наша семья переехала в Архангельск, и расставание со школой было очень непростым. В первый месяц в Архангельске я рыдала каждый вечер.

Одной из любимых игр на Соловках (особенно в плохую погоду) была игра «В школу». У нас были учителя, на которых хотелось быть похожими. В Архангельске тоже было несколько повлиявших на меня учителей, с которыми поддерживаю связь до сих пор. В Петербурге я поступила сначала в герценовский университет, но учителем быть не собиралась, хотя и думала, что очень полезно будет какое-то время поработать в школе. После 3-го курса ушла в СПбГУ и хотела сменить специальность. Но все время я не переставала думать о том, как на Соловках живут и учатся дети. Эти мысли не давали покоя, наверное, поэтому получилось так, что я вернулась на заочное отделение герценовского филфака и уехала на Соловки. Хотела работать в музее, но все вышло иначе. Позвонили из школы: вспомнили, что я играю на фортепиано и аккордеоне, — в детском саду нужен был музыкальный руководитель. Так я вернулась в мир соловецких детей.

Весной стало ясно, что меня уже ждут и в школе.

Мне достался, пожалуй, самый интересный класс, пятый. Девять мальчиков и столько же девочек. Очень разные по успеваемости и скорости соображения, потому как на Соловках нет возможности распределять детей в разные классы. За последние годы это один из самых многочисленных классов в школе. То, что мы оказались вместе, я считаю удачным совпадением. Мое появление в школе совпало с их переходом на новую школьную ступень. Многие дети были мне знакомы по кружкам соловецкой школы ремесел, в которой я иногда помогаю вести занятия. В том числе поэтому я была не против за них взяться.

> «Верю в то, что самое интересное в них может раскрыться, только если они будут чувствовать себя свободными. Что, конечно, не избавляет меня от необходимости научить их правильно себя вести»

Всю начальную школу они прошли под руководством замечательной опытной учительницы, именно благодаря ей в тетрадях присутствует какой-то порядок, правда, у всех разный. Я как-то сразу стала их настраивать на то, что все будет серьезнее, чем раньше, и просила задавать вопросы или говорить, если я выражаюсь непонятно. Вопросы задавать они не любят или пока не умеют, поэтому мне приходится постоянно за собой следить и упрощать язык.

Они уже не верят в Деда Мороза и, когда мы проезжали мимо монастыря после нашего первого пикника, спрашивали, верю ли я в Бога. Сами же на этот вопрос продолжали тему про Деда Мороза. На уроках зачастую отвечают примерно так же: охотно, но не совсем по делу. Каждый урок напоминаю, что, когда кто-то отвечает, другой должен подождать. Пока не научилась за этим следить (да и сейчас, конечно, не вполне), класс почти все время гудел. Этот гул продолжался потом в моей голове, поэтому после первых уроков могла только спать.

Поговорить вообще любят, практически все в первый же совместный вечер рассказывали мне какие-то семейные истории. Очень гордятся дедушками и бабушками, рассказывают про их награды.

Радует то, что все обычно хотят что-то сделать на уроке. Даже те, кто обычно прячется и отмалчивается, начинают реагировать на мои вопросы. Приятные неожиданности иногда обнаруживаются в тетрадях у некоторых буянов: красивый почерк, качественно выполненные задания, логичные ответы на вопросы или даже мини-сочинения (спасибо их первой учительнице). Конечно, это бывает нечасто, под настроение. Часто они вообще не слышат, какое было задание. Очень много переспрашивают. Так я вспомнила, что домашнее задание нужно писать на доске. И вообще стала чаще ею пользоваться.

Дарья и ее ученики

Фото из архива

Поначалу у меня было забавное ощущение, что я «играю в школу», как в детстве: настолько хорошо я помню себя в этом возрасте. В первое время старалась вспоминать себя и свой класс на уроках в 5-м классе. Несколько ребят в классе — братья и сестры моих школьных приятелей. С удовольствием я обнаружила, что они не кажутся мне какими-то другими, «современными», они очень на нас похожи. Боясь, что они начнут пользоваться тем, что мы неплохо знакомы, с самого начала я пыталась держать необходимую дистанцию. От этого у некоторых сложился очень официальный стиль общения со мной, что меня встревожило (хотя при этом они не перестают шуметь на уроках). Больше всего хочется быть учителем и при этом «своей». Когда я вижу, что они понимают это мое стремление, появляется надежда на то, что у нас что-то получится. Я еще не представляю, как это может быть. Не знаю хитрых психологических приемов. То, что я все время пытаюсь представить себя на их месте и смотреть на ситуацию их глазами, помогает мало. Наверное, потому что я безнадежно взрослею.

Очень боюсь непонимания с их стороны и, может быть, еще больше — собственного отстранения и привычки держать их в рамках. Верю в то, что самое интересное в них может раскрыться, только если они будут чувствовать себя свободными. Что, конечно, не избавляет меня от необходимости научить их правильно себя вести. Поэтому часто своей главной задачей я вижу поддержание баланса между сохранением комфортной для них атмосферы на уроке и удержанием ее в рабочем состоянии.

Огорчает то, что им редко бывает интересно со мной всем вместе. Не всегда получается угадать, что их заинтересует и заставит вовлечься в процесс. Стали мы проходить устное народное творчество, и тут я решила воспользоваться своим фольклорным опытом и на первом же уроке придумала спеть им колыбельную. Надеялась, что так они утихомирятся после урока физкультуры. Попросила их «лечь спать», вышла в лаборантскую, надела рубаху, сарафан. Волновалась пуще, чем перед концертом. Одни стали храпеть и урюкать, другие — на них шикать. Дождавшись относительной тишины, я вошла в класс и запела. Кто-то старался внимательно слушать, но это было сложно, потому что остальные продолжали веселиться. Когда допела и попросила открыть учебники, урок пошел более-менее сносно. Позже, когда мы на пикнике обсуждали первую неделю учебы, несколько человек все-таки сказали, что этот урок запомнился больше всего.

> «Стали мы проходить устное народное творчество, и тут я решила воспользоваться своим фольклорным опытом и на первом же уроке придумала спеть им колыбельную»

Слушать стали неожиданно. Снова литература. Начало урока было беспокойное — беседовали о сказках, которые читали, и опять говорили все наперебой. Потом я спросила, читал ли кто-нибудь сказку про Финиста — Ясного сокола, надеясь, что какой-нибудь молодец нам ее перескажет. Отличница Маша начала и спуталась, все забыла. Я стала рассказывать, думая уложиться в минуту, просто хотела напомнить им сюжет, и вдруг поняла, что все слушают внимательно, некоторые буквально раскрыв рот. Некоторое время я наслаждалась этой чуткой тишиной, потом сама что-то перепутала и тогда обещала продолжение на следующем уроке. Преодолев общее возмущение, пошли дальше. Попросила дома прочитать до конца, но, видимо, никто принципиально не стал этого делать. Досказывать пришлось мне же. Так что мне лучше всего запомнились эти уроки, вспоминать их приятно и поучительно.

Вторая удача тоже была случайной: на уроке, посвященном древнерусской литературе, я, не готовясь, стала рассказывать про академика Лихачева, после того, как мы прочитали его слова в учебнике. Слов «Дмитрий Сергеевич был на Соловках» оказалось достаточно, чтобы заставить их вслушаться. Про лагерь они знают, но не все и как-то смутно. Мы не стали заострять на этом внимание. Но то, что Дмитрий Сергеевич расстроился, когда приехал на Соловки в 90-е и увидел реставрацию монастыря и беспорядочный поселок, на них подействовало. По крайней мере, дружно говорили, что не надо мусорить. И поняли, что «защищать родину» можно читая книги. Это они мне сказали сами. А после урока и классного часа «хулиганы» беспрекословно пошли собирать бумажки, которыми тихо оплевали весь класс, пока мы беседовали.

После первого учебного дня я ощутила, что жизнь моя и самоощущение вроде бы меняется, и мне это не понравилось. Прежде всего не понравилось потому, что пришлось столкнуться со школьной системой с непривычной стороны. На Соловках в школе работать проще и приятнее, чем в городе. И все-таки в первое время пришлось себя смирять и учиться порядку вместе с детьми. Дело вроде бы пошло на лад, и стало ясно, что у меня появилась новая отрада в жизни — когда детям интересно, когда они слушают, понимают меня и разговаривают со мной. Когда рассказывают о том, что они любят делать, куда они ходят гулять, как понимают жизнь и ее проявления.

Это очень важно для меня еще и потому, что в них хочется видеть единомышленников. На Соловках уже давно назрела необходимость создания общего образовательного пространства для всех детей, которые находятся на островах летом. В школе работает летняя площадка, но только для соловецких детей, и только один месяц, потому что не хватает учителей. Некоторые ребята ходят в школу юнг. Кто-то занимается в музейной школе ремесел. Все остальные либо разъезжаются, либо придумывают себе занятия сами.

До сих пор не образовалось такого места, где можно было бы собраться большой компанией детей и взрослых, играть в игры, ставить спектакли, делать выставки и концерты, хотя многим приходит в голову эта идея, и соловчане ждут этих встреч. Дом культуры уже несколько лет на реконструкции. Команда педагогов уже собралась за несколько лет, что мы думаем и говорим об этом, и постоянно встречаются заинтересованные люди, которые могли бы поделиться какими-то знаниями и умениями. Дело за тем, чтобы найти «дом» и «обживать» его. На Соловках непросто осуществлять большие затеи, не хватает сил и средств, постоянно одолевают сомнения, правильно ли это, и так ли нужно на самом деле.

Мне хотелось бы найти ответы на эти вопросы и разрешить противоречия, обращаясь к тем, ради кого мы все это придумываем. Детей нужно заинтересовывать, и не всегда они реагируют сразу, особенно наши соловецкие, «дети-острова». Но они живут здесь и что-то думают про это место. И иногда говорят неожиданные вещи, до которых не могут додуматься взрослые. Как-то раз для местной газеты задавали соловчанам один и тот же вопрос: «Если бы вы поймали в море золотую рыбку, что бы вы попросили у нее?» Дело было в конце 90-х, поэтому многие, не задумываясь, говорили, что попросили бы денег. Или здоровья. И только одна девочка сказала: «Чтобы в монастыре снова рос сад, как раньше»...

ДОБРЫЕ ДЕЛА

Вам чайку?

26 ноября самому крупному в стране благотворительному фонду «Подари жизнь» исполнится 9 лет

И, конечно, в свой день рождения фонд мог попросить только один подарок: помощь для своих подопечных — для детей, больных раком. Как и в прошлом году, это можно будет сделать, приняв участие в прекрасной акции под названием «Безумное чаепитие».

Год назад чай за здоровье подопечных фонда пили жители 62 городов России и граждане 15 стран мира. Сотрудники фонда вспоминают, как связывались с Гонконгом и Торонто, Южно-Сахалинском и Калининградом... За один день, в буквальном смысле за чаем со сладостями удалось собрать 4 227 166 рублей 10 копеек. Вы думаете, чай пили меценаты и миллионеры? Нет. Пили, например, в маленькой редакции «Омутинские Вести+»: накрыли стол со сладостями и всех, кто заходил в редакцию, угощали за пожертвование. А в Салехарде — единственном в мире городе, расположенном непосредственно на Полярном круге, за столом собрался небольшой коллектив Расчетно-кассового центра, а в Челябинске чаевничали садоводы тепличного хозяйства «Конек-горбунок». В то же самое время «безумное чаепитие» устроили наши соотечественники в Мадриде и на Кипре. В Москве пить чай приглашали соседей по лестничной клетке, а студенты университетов угощали друг друга сладостями прямо на парах.

Мы часто спорим о том, что нас объединяет, делает похожими, близкими, где бы мы ни находились. Возможно, это способность ощутить чужую беду как собственную и «не-способность» пройти мимо.

Можно много рассуждать о том, что это Дина и Чулпан, это фонд говорит со страниц всех газет, обращается с теле- и радиоканалов и будит в нас желание помочь. Но разбудить можно только то, что уже есть в каждом. И это, наверное, главный урок прошлогоднего чаепития.

В этом году мы обязательно снова соберемся на чашку чая с надеждой, что вместе с нами чаепитие устроит каждый из вас. 26 ноября собирайтесь с коллегами и друзьями, родными и соседями, на работе и дома. Условие участия только одно — любой благотворительный взнос в пользу фонда. Подарок можно сделать и безналичным: предложите гостям отправить СМС на короткий номер фонда «6162» с суммой пожертвования.

Фонд запустил сайт https://friends.podari-zhizn.ru/tea, чтобы вы могли зарегистрировать свою акцию и отправить гостям приглашения, а кроме этого следить за пожертвованиями ваших гостей онлайн с помощью счетчика на странице вашего «Безумного чаепития».

Нет времени устроить свое мероприятие? Присоединяйтесь к «Безумному чаепитию» в кафе и ресторанах, где можно купить десерт, основное блюдо или напиток (часть средств с продажи пойдет в фонд «Подари жизнь»). Список кафе и ресторанов, участвующих в акции, а также все подробности о том, как подготовиться и присоединиться к «Безумному чаепитию», — на сайте «Друзья фонда «Подари жизнь», https://friends.podari-zhizn.ru/tea

Фонд «Подари жизнь»

Елена ДЬЯКОВА
обозреватель «Новой»

Свидригайлов — Игорь Гордин, Дуня — Илона Борисова

Елена ЛАПИНА

В Америку ехать — дождя бояться?

В новой постановке Кама Гинкаса «По дороге в… Русские сны по Ф. Достоевскому» главный герой — совесть

1860-е — эпоха евроремонта: империя реформируется, биржа цветет, столица хорошеет. В доме старухи-процентщицы, в частности, маляры белят стены. В чистой комнате под потолком висит заляпанное ведро, как топор над миром в «Братьях Карамазовых». Посреди комнаты-сцены — строительные носилки, покрытые брезентом. Под ним — чьи-то птичьи косточки да остроносый черный башмачок из-под тряпки...

22-летний Раскольников (Эльдар Калимулин) боязливо отдергивает замызганный саван: ай, не она, не она! Просто скомканы тряпки. Кто-то шутил... А башмак, видимо, потеряли при выносе тел убиенных. Впрочем, в белой комнате смыкаются все пространства романа: студент спит под измызганной шинелью уже у себя, в каморке от жильцов. Входит респектабельный господин в кашемире цвета красного вина и «бабочке» в тон... Рекомендуется: Свидригайлов.

За Свидригайловым, по щелчку его холеных пальцев, с пляской влетают два чумичела: рослая Марфа Петровна (Александр Тараньжин) в синем атласном неглиже и щуплая Лизавета (Анна Колобаева) в юбке с ярмарочными розанами. Шляпки у них одинаковые — круглые такие шляпки с декором: в темечко каждой с размаху всажен топор. Обе идут вприсядку — и топоры пляшут на белом фоне. А вопрос Свидригайлова: «Верите ли вы в привидения?» — не кажется праздным.

...К слову: этим спектаклем Камы Гинкаса МТЮЗ открыл новую сцену: флигель во дворе театра, в Мамоновском переулке. Зал на 52 места. Правая кулиса — белые двери барской квартиры, левая — окно. Чисто, как в лаборатории. Несоразмерно много места, казалось бы, оставлено для фойе — анфилады небольших комнат с каминами, зелеными лампами, венскими стульями, со стенами в старых усадебных цветах: «синий Бенуа» и цвет лососины. Зал и сцена при этаком раскладе кажутся потаенной сердцевиной флигеля. Кабинетом хозяина дома, где будет вечер за вечером происходить главное в русском художестве: вдумчивая научная реконструкция того, как дьявол с Богом борются. Все там же — в сердце и разуме.

Этот «лабораторный Достоевский» на белом фоне сразу приводит на память другой спектакль Гинкаса — «К. И. из «Преступления». Поставленный осенью 1994 года, он идет во МТЮЗе до сих пор. Смотреть их, конечно, надо вместе. Два фрагмента «Преступления и наказания», поставленные с 20-летним разрывом, теперь выглядят как две скульптурные группы. Стоящие не то чтобы на каминной доске — но явно над одним и тем же пляшущим пламенем.

И вышеупомянутое пламя — не только роман Достоевского, но и наши дни. Двадцатилетняя пореформенная эпоха евроремонта. Ее начало и (по логике театра) конец. Ее жертвы и ее делатели, деятели...

В «К. И. из «Преступления» безумная Катерина Ивановна Оксаны Мысиной и ее благородные штаб-офицерские дети в худых башмаках, с замызганными картонками на шеях казались приведенными за руку, вброшенными на сцену с улицы — с безумной Тверской образца 1994 года, из любого подземного перехода той Москвы. В «К. И.» Гинкаса российский театр впервые яростными слезами сострадания оплакал погибающих под «желтым колесом» (А. И. Солженицын) времени.

В «Русских снах»-2015 жертв на виду уже нет — одни призраки. Много воды утекло, многое сотворилось-построилось, но и дров было поналомано без счета. И разговор Свидригайлова с Раскольниковым здесь — прежде всего диалог убийц.

Игорь Гордин сейчас, несомненно, — один из лучших театральных актеров Москвы. Роли последних лет (Он в «Кроткой» Ирины Керученко, Джордж в «Кто боится Вирджинии Вульф?» Гинкаса) окончательно выявили уровень и масштаб: сдержанная, отточенная техника, тихая игра интонации, семь слоев (иногда вроде бы и несовместимых!) в каждом персонаже, лаконизм внутреннего безумия и клоунское умение с размаху повалиться поперек рампы... Свидригайлов для него — идеальный материал: усталый здравый смысл взрослого и очень неглупого человека (хриплые юношеские восклицания Раскольникова он переживает невозмутимо — так терпят неизбежные порывы ветра), чуткая точность бывшего шулера, сумевшего стать весьма респектабельным господином, даже скрытая гордость (не каждому удалось!), четкое понимание того, что его время кончилось — пора бы в Америку... если б не призраки, совершенно нерационально идущие за ним.

...И сдержанное, но звериной силой рычащее где-то в глубине сладострастие при полной цинической трезвости сознания: рассказ Свидригайлова о малолетней невесте в тюлевом платьице в «Русских снах» дорогого стоит. И жесткая страсть к Дуне (Илона Борисова). И полное понимание того, как сильна в самой Дуне — против всякой воли независимой барышни в черном свитере и грубых башмаках — тяга к нему, отклик на спрятанное под кашемиром звериное начало. Раскольников, мальчишка, может возмущенно отрицать саму возможность сего... но Свидригайлов-то знает! Да и Дуня почти догадалась. Но она здесь — единственный человек, твердо решивший идти прямым путем праведности.

И отказ Свидригайлова от Дуни (когда, кажется, остался один вздох... и бесстрашная воительница рухнет в преисподнее пламя страсти к убийце) — тоже итог его судьбы. Дуня? Америка? Смерть? Он выбирает все полтора часа спектакля.

...А эти двое все вылетают из-за кулис в своем нелепом отрепье, в круглых, как у пансионерок, шляпках с засевшими топорами. Меняют образы: Марфа Петровна, лакей Филька, невеста-ангельчик, соблазненное дитя, Процентщица. Свидригайлов распахивает высокое белое окно. Где-то за кулисами шумит ливень. И чисто театральное наслаждение от мелочи, жеста, вздоха, укрупненных сценой!) бормочет себе: «В Америку ехать — дождя бояться?»

Всценической системе Камы Гинкаса — совесть существует. И догоняет преступившего заповеди обязательно.

...Свидригайлов выходит в белую дверь. Процентщица с топором в темечке, в петушино-яркой юбке, беспомощно кричит ему вслед: «Нельзя! Нельзя! Здесь этого нельзя, слышите?!» Выстрел. Финал.

Музычка петербургской шарманки, прошедшая через все действие, вновь взмывает над пустой белой комнатой: я все время жду чего-то, мне чего-то смутно жаль...

Смутно жаль, в частности, того, что «К. И. из «Преступления»« и «Русские сны»-2015 осуществились как отдельные камерные постановки, а не стали фрагментами колоссального, часов на двенадцать, спектакля «Преступление и наказание».

Впрочем: кто бы в зале выдержал 12 часов сострадания, сопереживания и ужаса перед грехом, — на том уровне чувства, какой задают зрителю эти две камерные постановки?

«И пляшут вприсядку две жервы: в юбках с розанами, в круглых шляпках пансионерок с одинаковым декором — топором в темечке»

Нечистые на ногу

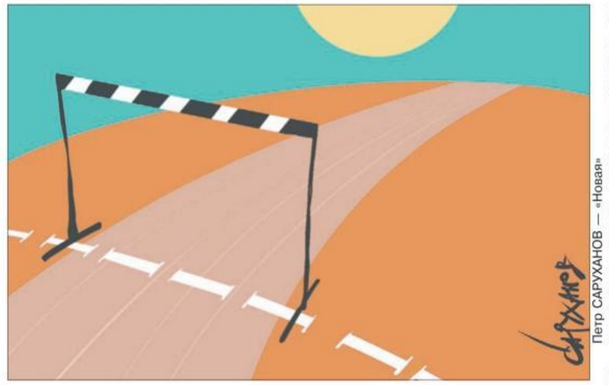
Самый масштабный допинговый скандал в истории мирового спорта завершился предсказуемо: российским легкоатлетам запретили участие во всех международных соревнованиях, включая будущую Олимпиаду

По исходе трехчасового обсуждения экстренного заседания совета Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF), посвященного исключительно России, вердикт был вынесен крайне жесткий: временно приостановить деятельность Всероссийской федерации легкой атлетики (ВФЛА), что автоматически означает запрет на участие россиян во всех международных соревнованиях под эгидой IAAF, включая и Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро-2016.

Доклад генерального секретаря ВФЛА Михаила Бутова, с которого начиналось проводимое в режиме телеконференции заседание, подавляющее большинство членов главного органа организации не убедил: за тотальную дисквалификацию российской легкой атлетики проголосовали 22 человека, против — один-единственный, и это был недавний претендент на должность президента IAAF, легендарный прыгун с шестом, украинец Сергей Бубка.

Одновременно с отстранением страна лишилась права провести Кубок мира по спортивной ходьбе в Чебоксарах, а также юниорский чемпионат мира в Казани. Это возвращает Россию во времена раннего СССР, практически изолированного от всего остального мира.

Предельно жестко высказал свою позицию новый президент IAAF, Себастьян Коэ: пока в России не будет реальных перемен в отношении борьбы с допингом, никаких обещаний по поводу участия российских спортсменов в грядущих Олимпийских играх ожидать не стоит. Надежды на то, что профильная международная организация, проанализировав отчет комиссии Всемирного антидопингового агентства (WADA), с которого в прошлый понедельник и начался сдва ли не самый масштабный скандал в истории мирового спорта, смягчит свою позицию, — не оправдались.



Петр САРУХАНОВ — «Новая»

И как они могли оправдаться, если сама IAAF оказалась под ударом? Да, в его адрес поступило немало обращений от выдающихся российских спортсменов, по-своему справедливо считающих, что нельзя «равнять всех под одну гребенку», смешивая в одну кучу «чистых» и «нечистых». Но и открытое письмо Елены Исинбаевой, со словами «верю, что будут приняты правильные решения», — не возымело действия.

Министр спорта Виталий Мутко, оказавшийся в крайне сложной ситуации, в предшествующие судьбоносному заседанию дни сделал немало заявлений — вплоть до обращения к WADA с просьбой провести ускоренную переаттестацию московской антидопинговой лаборатории. Позиция всесильного ведомства не просто не изменилась, более того — было принято решение о несоответствии кодексу WADA всего Российского антидопингового агентства (РУСАДА).

Не помогли как-то изменить ситуацию ни мольбы, ни заверения в искреннем желании исправиться, ни ввод в действие «тяжелой артиллерии» в виде высказанных на заседании в Сочи пожеланий президента России защитить спортсменов от допинга и сотрудничать с международными организациями. Создавалось ощущение, что спортивные чиновники не осознают степени недовольства системными нарушениями, которое отнюдь не ограничивается кознями какой-то одной зловредной организации. До наших спортивных деятелей не дошло, что дело не только и даже не столько в запредельно частых конкретных прегрешениях, а в их покрытии с помощью кумовства, взяток и попустительства, превратившемся, по мнению WADA, в систему. То, что за Саранский центр олимпийской подготовки ходоков взялись лишь тогда, когда число дисквалификаций перевалило за два десятка, а вымогательство, по заявлению бегуньи Лилии Шобуховой, почти полумиллиона долларов за возможность ее участия в Олимпиаде-2012, так и не превратилось в уголовное дело, — стали весьма красноречивыми эпизодами в отчете комиссии WADA...

Теперь действия российской стороны по выполнению рекомендаций попадают под пригляд комиссии IAAF во главе с норвежцем Руне Андерсоном. Виталий Мутко надеется оперативно «разработать совместную «дорожную карту», чтобы за два-три месяца справиться с проблемой и использовать шанс на то, чтобы все-таки выступить в Рио.

Но шансов на то, что «неопределенный» срок беспрецедентной дисквалификации превратится во вполне определенный, увы, намного больше.

Владимир МОЗГОВОЙ,
обозреватель «Новой»

ЛУКОЙЛ НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ

Извещение о проведении открытого аукциона ПАО «ЛУКОЙЛ»

На правах рекламы

1. Предмет аукциона: МТР **ООО «ЛУКОЙЛ — Нижегороднефтеоргсинтез» в составе лота № 080:**
- Катализатор R-56 (отраб.) 1 629,56 кг
- Катализатор R-86 (отраб.) 6 028,85 кг
- Катализатор (отраб.) в смеси КР 5,99 кг
- Смесь катализаторов R-56, R-86 (отраб.) 2 084,24 кг
- Катализатор R-274 (отраб.) 139,00 кг
- Катализатор R-254 (отраб.) 13 571,30 кг
- Катализатор изомеризации I-122 (отраб.) 2 334,78 кг

Итого: 25 793,725 кг

2. **Аукцион проводится 17.12.2015 в 15.30** по московскому времени по адресу: г. Москва, Уланский переулок, дом 4, строение 1, кабинет 604. **Регистрация участников аукциона 17.12.2015 в 14.30** по московскому времени по адресу: г. Москва, Уланский переулок, дом 4, строение 1, кабинет 407 (наличие паспорта и офисный стиль одежды обязательны).

3. Организатор аукциона **ПАО «ЛУКОЙЛ»**, его адрес: **101000, Россия, Москва, Сретенский бульвар, 11.**

4.Собственник лота **ООО «ЛУКОЙЛ-Нижегороднефтеоргсинтез»**, его адрес: **607650, г. Кстово Нижегородской области.**

5. Начальная цена лота: **73 190 000 руб. без учёта НДС.**

6. Форма проведения торгов: **открытый аукцион**.

7. Критерии определения победителя: **максимальная цена**.

8. Условия поставки: **выборка МТР на местах складирования, самовывоз, выполнение погрузочно-разгрузочных работ силами победителя и за его счет.**

9. Для участия в аукционе претендентам необходимо **в срок до 16.00 26.11.2015** представить Организатору аукциона по адресу: **101000, Москва, Сретенский бульвар, 11, Департамент закупок для прочих видов деятельности, Отдел по реализации длительно хранящихся и невостребованных остатков материально-технических ресурсов**, следующие документы:
— заявление на участие в аукционе по установленной Организатором аукциона форме;
— нотариально заверенные копии учредительных документов, документа о государственной регистрации претендента, свидетельства и карты постановки на специальный учет в ГИПН, с изменениями и дополнениями на дату подачи заявления на участие в торгах;
— отчет о финансовых результатах на последнюю отчетную дату и за предыдущий отчетный год с отметкой ИФНС о принятии;
— справка о состоянии расчетов с бюджетом (об отсутствии долгов по налогам), выданная ИФНС с датой выдачи не более 1 месяца до даты представления документов на проверку;
— бухгалтерский баланс на последнюю отчетную дату и за предыдущий отчетный год, с отметкой ИФНС о принятии;
— заверенная надлежащим образом Карточка претендента, подписанная руководителем организации и заверенная печатью организации, содержащая основные сведения;
— документ о занимаемой должности для лица, полномочного в соответствии с учредительными документами представлять организацию без доверенности (приказ о назначении, выписка из протокола об избрании);
— доверенность на имя представителя, имеющего право действовать от имени организации при подаче заявления и подписании протокола;
— паспорт или документ, его заменяющий, для всех лиц, указанных в настоящем пункте;
— скан копии всех направляемых документов на электронном носителе.

10. Размер задатка: **21 957 000 руб. без учёта НДС.** Основанием для внесения задатка является заключенное с Собственником лота и на его условиях соглашение о задатке. Для оплаты задатка претендентам необходимо **в срок до 16.00 23.11.2015** представить в адрес Собственника лота подписанное и скреплённое печатью соглашение о задатке (оригинал в 2 экз.) и скан копии всех направленных Организатору торгов документов на электронном носителе.

11. Покупатель **обязан оплатить выигранный лот в рублях не позднее 5 рабочих дней после подписания протокола** о результатах торгов на расчетные счета Собственников лота.

12. Дополнительная информация предоставляется контактными лицами по запросу.
12.1. Контактное лицо организатора аукциона: **Лященко Виталий Владимирович,** телефон **+7 (495) 9-803-081;** факс **+7 (495) 6-274-999,** e-mail: **Vitaly.V.Lyaschenko@lukoil.com.**
12.2. Контактное лицо собственника лота: **Кнутов Андрей Валентинович,** телефон **+7 (83145)5-38-02,** e-mail: **andrey.knutov@lukoil.com.**

Вполголоса

Я обратился бы к французам от анонимного лица

Reuters

Дмитрий БЫКОВ

Послушай, «Новая газета», я не Эбдо и не Шарли, я не могу писать про это, я отсижусь в моей щели. Сейчас в Европе общий траур, она стоит плечо к плечу — к чему сатира? Я не фраер, я подставляться не хочу. Я не оратор, не герой уж — пускай рискует молодежь: сегодня только рот откроешь — от всех по полной огребешь! Тому назад четыре года рискнул бы я разинуть пасть: была не то что бы свобода, а так, ее восьмая часть. Наш мир придавлен телебашней, мне страшно на него смотреть, но если б храбрости тогдашней сегодня мне хотя бы треть, и я б не корчился под грузом кровавой ваты и свинца — я обратился бы к французам от анонимного лица, от коллективного холопа, чей рот уже не затворишь.

«Дотолерастилась, гейропа? Долиберастился, Париж? Весь ваш проект мультикультурный — педерастическая ложь, и он большой накрылся урной, и вся свобода ваша тож. Что вы пищали там о братьях? Все эти беженцы — нарыв. Вам надо было высылать их, сперва частично уморив. Вы их пускали и вбирали, учить пытались и лечить — а вам Чудинова заране все предсказала про «Мечеть»!* Теперь конец тебе, Европа, не оберешься ты могил — к вам из сирийского окопа пришел заслуженный ИГИЛ, но с высоты своих идиллий мы вам готовы дать совет. Мы вас однажды колотили и зла не держим двести лет. Кто вам несет цветы и свечи — тот жалкий Запада вассал: подход слезливый, человечий планету сроду не спасал. Вы отнеситесь трезво, грозно. Клянусь, одобрит большинство. Сожгите беженские гнезда и не впускайте никого. Границы заперты — и ладно. Левацкий сбрасывая плен, пошлите вашего Олланда и сдайте власть Мари Ле Пен. У вас народ уже заждался: мол, где Мари? Расправы... где? Мы ей готовы дать гражданство, как мы давали Депардье. Нам симпатична эта Маша, мадам, рожденная для драк, она такая как бы наша, а вместе в чем-то Жанна д'Арк. Даешь режим противоправный, давно мечтавшийся мираж! Мы будем ваш помощник главный, а вы — союзник главный наш. Увязла в ветоши и хламе французов гордая орда, в борьбе с Обамой и хохлами сплотимся мы, как никогда, мы будем веселы и пьяны, неадекватны и крепки, мы будем как бы д'Артаньяны, а все другие — удаки! Но чтоб могли бы вам поверить и вместе действовать могли — вам надо выборы похерить и расстрелять Эбдо Шарли. Решай, голубчик: если враг ты, то пусть бы ты и пожинал... Ведь это ж вам за них теракты, за их кощунственный журнал! Хочу сказать определенно: у вас и булки, и вино, однако пятая колонна у вас не чищена давно. Тут тоже надо «или — или». Учитесь, блин, у медвежат, мы наших знатно зачморили: те, кто не сели, — все лежат. Берите с русского проекта пример, тупые господа: у нас свободны только те, кто... Всмотритесь в лица. Страшно, да?

Нам вообще довольно странно следить за ходом ваших дел: у нас владелец «Батаклана» и весь бы клан его сидел! Ведь он, владелец «Батаклана», все эти жертвы произвел: там не имелось даже плана эвакуации, козел! Ведь документы — юбер аллес, как знают наши холуи: бить надо так, чтоб все боялись. Своих? Сгодятся и свои.

Еще с одним советом влезу — хотя советов до хрена: не пойте больше «Марсельезу». Несвоевременна она. Вот потому вы все и слили, скажу с хитринкою блатной, что эта песнь Руже де Лиля — гимн революции цветной. Вы с этим гимном нехорошим — слова совсем нехороши — два раза проиграли бошам, с позором вляпались в Виши, а это хуже, чем Судеты. Я также вам забыть не дам, что в шестьдесят восьмом студенты чуть не устроили Майдан. К чему вам эта «Марсельеза»? Чужие гимны рассмотри: в них как бы слышится железо! А вы — «Аллон занфан по три»... Какая может быть свобода, когда, взрывая и трубя, везде, с заката до восхода, идет всемирная борьба?! Чтоб удержаться от распада, со всей решимостью скажу: носить открытое не надо. Рекомендую паранджу. Клянусь Кубанью и Тагилом, такая мода — в самый раз. Должна Европа стать ИГИЛом — тогда ИГИЛ не тронет вас, тогда вовек не грянут залпы: зачем стрелять в того, кто труп?»

Вот так, должно быть, я сказал бы, когда я молод был и глуп, но нынче трижды пожалеешь на нашем режущем ветру... Я это все прочту жене лишь.

Сожгу.

И пепел разотру.

** Роман фундаменталистки Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери» ужасный, по-моему. Но фундаменталистам нравится.*

Редакторы номера: Р. Дубов, Д. Муратов, Н. Прусенкова

www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете: NovayaGazeta.Ru

Новая газета

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: **Роман АНИН** (редактор отдела расследований — «отдел Ю. Щекочихина»), **Ольга БОБРОВА** (редактор отдела специальных репортажей — «отдел Н. Микеладзе»), **Руслан ДУБОВ** (зам шеф-редактора, ответственный секретарь), **Сергей КОЖЕУРОВ** (первый зам главного редактора), **Александр ЛЕБЕДЕВ** (зам главного редактора), **Андрей ЛИПСКИЙ** (зам главного редактора), **Кирилл МАРТЫНОВ** (редактор отдела политики и экономики), **Константин ПОЛЕСКОВ** (шеф-редактор WEB-редакции), **Алексей ПОЛУХИН** (шеф-редактор), **Георгий РОЗИНСКИЙ** (зам главного редактора), **Юрий РОСТ** (обозреватель), **Петр САРУХАНОВ** (главный художник), **Юрий САФРОНОВ, Сергей СОКОЛОВ** (зам главного редактора), **Ольга ТИМОФЕЕВА** (редактор отдела культуры), **Олег ХЛЕБНИКОВ** (зам главного редактора), **Виталий ЯРОШЕВСКИЙ** (зам главного редактора, омбудсмен редакции)

Обозреватели и специальные корреспонденты: **Юрий БАТУРИН, Борис БРОНШТЕЙН, Борис ВИШНЕВСКИЙ, Ирина ГОРДИЕНКО, Эльвира ГОРЮХИНА, Елена ДЬЯКОВА, Зоя ЕРОШОК, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Сергей КАНЕВ, Павел КАНЫГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО, Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МАСЮК, Ирек МУРТАЗИН, Галина МУРСАЛИЕВА, Леонид НИКИТИНСКИЙ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Юлия ПОЛУХИНА, Елена РАЧЕВА, Людмила РЫБИНА, Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Диана ХАЧАТРЯН, Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА**

Ведущие рубрик: **Евгений БУНИМОВИЧ, Дмитрий БЫКОВ, Александр ГЕНИС, Павел ГУТИОНТОВ, Юрий РЕВИЧ, Кирилл РОГОВ, Дина РУБИНА, Ким СМИРНОВ, Артемий ТРОИЦКИЙ, Сергей ЮРСКИЙ**

Руководители направлений: **Лариса МАЛЮКОВА** (кино), **Владимир МОЗГОВОЙ** (спорт), **Елена МИЛАШИНА** (спецпроекты — «отдел И. Домникова»), **Надежда ПРУСЕНКОВА** (пресс-служба)

Собственные корреспонденты: **Надежда АНДРЕЕВА** (Саратов), **Георгий БОРОДЯНСКИЙ** (Омск), **Мария ЕПИФАНОВА** (страны Балтии и Северной Европы), **Иван ЖИЛИН** (Киров), **Сергей ЗОЛОВКИН** (Гамбург), **Сергей КУРТ-АДЖИЕВ, Наталья ФОМИНА** (Самара), **Виктория МАКАРЕНКО** (Ростов-на-Дону), **Александр МИНЕЕВ** (Брюссель), **Ольга МУСАФИРОВА** (Киев), **Александр ПАНОВ** (Вашингтон), **Нина ПЕТЛЯНОВА** (Санкт-Петербург), **Юрий САФРОНОВ** (Париж), **Евгений ТИТОВ** (Краснодар), **Ирина ХАЛИП** (Минск)

Группа выпуска: **Юрий КОЗЫРЕВ** (директор фотослужбы), **Анна АРТЕМЬЕВА, Евгений ФЕЛЬДМАН** (фотокорреспонденты), **Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА** (бильд-редакторы), **Оксана МИСИРОВА, Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО** (технические редакторы, дизайн, макет)

WEB-редакция: **Сергей ЛИПСКИЙ, Наталья ПОЛОВИНКО, Евгений ШИРЯЕВ**

ДИРЕКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (генеральный директор)

Владимир ГРИБКОВ (заместитель генерального директора), **Светлана БОЧКАЛОВА, Михаил ЗАЙЦЕВ** (распространение), **Владимир ВАНЯЙКИН** (управление делами), **Ирина ДРАНКОВА** (бухгалтерия), **Наталья ЗЫКОВА** (персонал), **Анжелика ПОЛЯКОВА** (реклама), **Ярослав КОЖЕУРОВ** (юридическая служба), **Валерий ШИРЯЕВ** (заместитель директора), **Сталина УСПЕНСКАЯ** (директор по уюту)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.
Пресс-служба: 8 495 926-20-01
Отдел рекламы: 8 495 648-35-01, 621-57-76, 623-17-66, reklama@novayagazeta.ru
Отдел распространения: 8 495 648-35-02, 623-54-75
Факс: 8 495 623-68-88.
Электронная почта: 2015@novayagazeta.ru
Подписка на электронную версию газеты: distrib@novayagazeta.ru

Подписные индексы:
32120 (для частных лиц)
40923 (для организаций)
34329 (льготный)

Газета печатается **во Владивостоке, Екатеринбурге, Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Рязани, Санкт-Петербурге.**
Зарубежные выпуски: **Германия, Израиль, Казахстан**

Общий тираж — **230 850 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **18 171 485** просмотров за октябрь 2015 г.

Материалы, отмеченные знаком 0+, печатаются на правах рекламы.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2015 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Срок подписания в печать по графику: 23.30, 14.11.2015 г.
Номер подписан: 23.30, 14.11.2015 г.
Отпечатано в ЗАО «Прайм Принт Москва». Адрес: 141700, МО, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д.5В. Заказ № 4255. Тираж — 47450 экз. Общий тираж — суммарный тираж московских и региональных выпусков за неделю. Цена свободная.